ДЛЯ НЕМНОГИХЪ.

ПЯТЬ МѢСЯЦЕВЪ
НА
ВОЛЫНИ.

ОСТРОЖСКАЯ ЛѢТОПИСЬ
1867 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

F. Kirchner

Братская Церковь Святыхъ Кирилла и Меѳодія
при училищѣ Графа Блудова въ г. Острогѣ.

ДЛЯ НЕМНОГИХЪ.

ПЯТЬ МѢСЯЦЕВЪ

НА

ВОЛЫНИ.

ОСТРОЖСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

1867 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Января 27-го дня 1868 г.

Въ типографіи Втораго Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи.

25-го Мая 1867 г.

Вознесеніе Господне.

На пути изъ Петербурга въ г. Острогъ.

Ковель, Волынской губерніи.

Мы пріѣхали вчера вечеромъ въ Ковель и нашли *Братчика*, весьма обязательнаго, умнаго человѣка, исправника: Степанъ Степановичъ Шуба.—Остановились мы въ почтовой конторѣ. Ни одинъ станціонный домъ не конченъ, такъ что отъ Бреста до Ровна нѣтъ ни одного ночлега порядочнаго, ни въ Царствѣ Польскомъ, ни на Волыни. Отъ Варшавы желѣзная дорога открыта до Мендержицы, но съ нами было столько громадныхъ вещей въ огромной фурѣ, что боясь разъѣхаться съ нею, мы поѣхали по шоссе, и ночевали въ Сѣдльцѣ, тоже въ почтовой конторѣ. По этой дорогѣ, у каждаго почтмейстера, у каждаго священника, иногда и просто у содержателя станціи находили мы клавикорды; это объяс-

няетъ непремѣнное требованіе въ здѣшнихъ краяхъ, чтобъ дѣвушекъ учили играть на фортепіано; инструментъ не диковинка и они найдутъ его вездѣ— а музыка, говорятъ здѣсь, возвышаетъ чувства.

На другой день нашего путешествія пошелъ дождикъ довольно сильный, но теплый, крупный, лѣтній *край* смотритъ весело и зажиточно. Хорошая обработка, хорошіе пути сообщенія, по крайней мѣрѣ по шоссе, конечно способствуютъ хотя *наружному виду* благоденствія. Въ Брестѣ переѣхавъ Бугъ и проѣхавъ черезъ ворота крѣпости въ два конца, взадъ и впередъ, мы промѣняли почтальоновъ и кепи на ямщиковъ туземныхъ въ кучерскихъ шляпахъ и кафтанахъ, но безъ малѣйшаго ухарства (съ явной непривычкой къ своему головному убору), промѣняли добрыхъ почтовыхъ, крѣпкихъ коней, на тощихъ растрепанныхъ лошаденокъ. Однако мы такъ обрадовались родной картинѣ и родному языку, что и неряшество въ одеждѣ и оборванныя веревки въ упряжи и болтливыя наставленія другъ другу какъ закладывать и вопросы о томъ, кто изъ ямщиковъ поѣдетъ, всѣ эти неудобства и sans façons, которыя обыкновенно заставляютъ досадовать на потерю времени, даже неровная ѣзда то въ скачь, то почти шагомъ, то опрометью опять, все насъ обрадовало, такъ тяжело

было намъ въ этой благоустроенной, иностранной, враждебной сторонѣ, связанной съ Россіей роковыми узами, по милости Вѣнскаго трактата.

Здѣсь я еще разъ замѣтила сколько подвинулись Бѣлоруссы въ сознаніи народности по крайней мѣрѣ, по большимъ дорогамъ; какъ сталъ разговорчивъ и веселъ неуклюжій ямщикъ, какъ онъ разсказываетъ про недавнее былое съ довѣрчивостію и въ ожиданіи сочувствія русскому проѣзжему. Спасибо и вѣчная память Муравьеву! Перемѣна поразительная. На одной изъ станцій прислуживалъ намъ старикъ, отставной солдатъ и такъ какъ онъ не совсѣмъ чисто говорилъ, я спросила его: «а ты дѣдушка русскій?»—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ какимъ то тономъ *извиненія*, *«я Римскій»*, а ужь не сказалъ «Полякъ», какъ прежде говорили хвастливо Римскіе католики здѣсь. Мнѣ стало такъ жаль старика, что я сказала ему: «Римской вѣры, но все-таки *Русскій*, здѣшній?»—«Да, да, русскій», сказалъ онъ обрадованнымъ тономъ голоса. Очевидно панской вѣрой ужь не хвастаются, а *псина* вѣра стала *царской хоругвей освобожденнаго народа*. На другой станціи нашли мы отставнаго солдата конно-гренадерскаго (или драгунскаго) полка, что стоитъ въ Петергофѣ и между офицерами припомнилъ онъ Барона Радена. Этотъ ужь былъ чистый Малороссъ

26-го Мая 1867 года.
Острогъ Волынскій.

Вчера утромъ въ Ковелѣ отправились мы въ церковь (бывшій монастырь) Вербки, гдѣ похороненъ Князь Андрей Курбскій. Въ Ковелѣ, послѣ бѣгства своего изъ восточной Руси, онъ жилъ въ дрязгахъ семейныхъ и въ бурныхъ несогласіяхъ съ родственниками жены, нерѣдко переходившихъ въ разбой и грабительство;—въ Ковелѣ, старостіи, данной имъ Польскимъ Королемъ, писалъ онъ свои записки и точно по словамъ Пушкина:

Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады,
Но мирный трудъ его не утѣшалъ,
Онъ юности своей отчизну помнилъ,
И до конца по ней онъ тосковалъ (*).

(*) Изъ «Бориса Годунова» Пушкина
Мой Отецъ
Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады,
Но мирный трудъ его не утѣшалъ,
Онъ юности своей отчизну помнилъ,
И до конца по ней онъ тосковалъ.

Но не мирно и не тихо жилъ онъ здѣсь; напротивъ весь деспотизмъ, все необузданное своеволіе его характера нашли себѣ просторъ среди распущенности и неурядицы Польской вольности. Много, кажется мнѣ, было сходства между нимъ и Іоанномъ. Тотъ же замѣчательный умъ, то же художественное чуство и охота къ полемикѣ и тотъ же неумолимый деспотизмъ. Будь онъ на мѣстѣ Іоанна, онъ былъ бы можетъ быть, такой же тиранъ. Но онъ имѣлъ надъ Грознымъ одно преимущество—это блистательная, великодушная храбрость и былъ онъ истиннымъ полководцемъ, между тѣмъ, какъ Грозный Царь не разъ даже въ лучшіе года свои обнаруживалъ признаки малодушія и боязливости. Такъ размышляла я просебя на пути къ Вербкѣ, т. е. къ болоту, черезъ которое уже должно идти пѣшкомъ по мосткамъ. Поровнявшись съ ними, я остановилась въ недоумѣніи; прошла сажени двѣ, но узнавъ отъ Братчика Шубы, что по мосткамъ нужно идти съ полверсты, ужасохомся бездны болотистѣй и возвратихомся вспять. Не по моимъ ногамъ такая прогулка и отпустивъ Шубу съ Марьей Ивановной я сѣла на стулѣ у мостковъ и ждала ихъ возвращенія. Издали виднѣлся островокъ, покрытый зелеными деревьями такъ густо, что между ними чуть выглядывала оконечность главки или спица съ крестомъ. Нѣсколько му-

жиковъ и бабъ въ бѣлыхъ свиткахъ и бѣлыхъ платкахъ шли назадъ отъ обѣдни по мосткамъ. Болото, упраздненный монастырь и молитва бѣдныхъ поселянъ—вотъ обстановка могилы гордаго, блистательнаго, могущественнаго Князя,—русскаго Коріолана. И наши семейныя воспоминанія сливались съ этими грустными размышленіями. Слава Богу, нашъ предокъ, сотоварищъ Курбскаго подъ Казанью, не послѣдовалъ его примѣру, и нашъ родъ, покинувшій родину въ годину преслѣдованій русской народности и православной вѣры, остался вѣренъ Россіи среди всѣхъ невзгодъ и потрясеній Московскаго Царства. Какъ я люблю жить этой давно минувшей жизнію и воображать себѣ предковъ пашихъ въ ихъ чувствахъ и дѣяніяхъ! Какая разница съ нашимъ положеніемъ, которое однако есть плодъ этихъ дѣлъ. Что дѣлается здѣсь? Кто преемники Курбскаго въ Ковелѣ и около Ковеля? Стала я спрашивать у служителя нашей хозяйки, молодаго мальчика, сопровождавшаго меня,— кто тутъ кругомъ помѣщики? «Да ихъ совсѣмъ нѣтъ, кажись, отвѣчалъ онъ.»—А что? развѣ все крестьянскія земли? «Нѣтъ, да помѣщиковъ перебрали и засадили, или сослали, почти всѣхъ. И все таки здѣсь меньше, а въ Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздѣ, такъ тамъ всѣ были въ повстаніи. Кто и не ходилъ въ лѣсъ и не принималъ банды, все таки послѣ, по

бумагамъ нашли, что они были виновны—такъ всѣ и пропали»?

А что? они въ самомъ дѣлѣ были противъ царя?

«А Богъ ихъ знаетъ! должно быть знали про шайки» отвѣчалъ онъ съ какимъ то равнодушнымъ недоумѣніемъ. Вышло что онъ изъ дворовыхъ и такъ какъ Римскій Католикъ, то считается Полякомъ.

Воротилась Марья Ивановна и разсказала простарую церковь въ этой почти недоступной пустынѣ и про могилу славнаго воеводы и про чудотворный образъ Святителя Николая—и мы отправились обратно въ городъ къ обѣдни. Это было Вознесеніе и слушали мы обѣдню, въ тюрьмѣ, въ крошечной церкви, гдѣ служилъ молодой, какъ кажется, ревностный священникъ, родственникъ Преосвященнаго Іеровея нашего. Шуба и онъ хлопочутъ о дозволеніи открыть хоть приходскую школу: въ Ковелѣ нѣтъ ни одной.

Выѣхавъ изъ Ковеля, мы думали остановиться на нѣсколько часовъ въ Луцкѣ, чтобы посмотрѣть развалины, но ночевать оказалось невозможнымъ. Въ такъ называемой русской гостинницѣ, содержанной Полькой, только одна комнатка подлѣ кондитерской съ буфетомъ, куда безпрестанно ходятъ пить какіе то ликеры, а Марьѣ Ивановнѣ такъ нездоровилось, что она и обѣдать не могла, а о развалинахъ и ду-

мать было нечего. Только въѣзжая въ городъ, мы остановились передъ развалиной красивой, не весьма древней церкви объ одномъ большомъ куполѣ. Надписи и часть стѣнной живописи кое-гдѣ сохранились. Базиліанская церковъ 16-го столѣтія, сгорѣвшая и возобновленная, какъ свидѣтельствуютъ надписи въ 17-мъ. А потомъ? что было съ ней потомъ? Отчего она теперь обрушилась и облѣплена жидовскими шалашами? Въ оконечности бывшаго зданія, по расположенію судя, чуть-ли не въ горней части алтаря, выбралъ себѣ уцѣлевшій уголокъ Еврей, который испачканный и оборванный стоялъ у дверей этой лачуги, какъ живое обличеніе нашего народнаго грѣха—нерадѣнія, безпечности и лѣни!— Ни жидъ не могъ мнѣ ничего сказать, ни выходящій изъ сосѣдняго дома молодой діаконъ, красивый, смуглый, съ южными глазами, такъ часто обманчивыми въ своей быстротѣ и своемъ оживленіи. Когда блѣдные, зеленоватые глаза сѣверные смѣются и искрятся веселымъ остроуміемъ, можно положиться, что тутъ отражается истинный умъ—а въ черной глубинѣ южныхъ или восточныхъ глазъ часто горитъ только пламя молодости и физической жизненности — оно кажется геніальностію, а въ сущности найдете совершенную, глубокую, даже *бездонную* пустоту. Не знаю, она-ли лежала въ основаніи чер-

ныхъ глазъ діакона, но онъ, къ досадѣ моей, объявилъ, что онъ ничего не знаетъ про эти развалины; онъ недавно въ Луцкѣ—а вотъ спросите у стараго протоіерея, что живетъ тамъ-то около собора.—Отвѣтъ, достойный нашего обычнаго равнодушія!—вѣрно, дьяконъ черезъ десять лѣтъ безвыѣзднаго пребыванія въ Луцкѣ также мало будетъ знать о тамошней старинѣ. Отобѣдавъ часу въ пятомъ, оставивъ Марью Ивановну отдохнуть въ гостинницѣ, я отправилась одна пѣшкомъ къ протоіерею. Пошла я мимо собора; день вечерѣлъ; безоблачно горѣло небо блѣднѣющимъ свѣтомъ заходящаго солнца и новый мѣсяцъ тихо гнулся алою дугою у главы древней, простенькой, чисто-выбѣленной церкви XV-го вѣка, которая служитъ соборомъ православнымъ Луцка. Я остановилась, и какое-то глубокое умиленіе согрѣло мнѣ сердце и такъ ясно, въ умѣ моемъ, видѣлся мнѣ батюшка, молящійся въ свои послѣдніе дни за Государя и за Россію—и, казалось, благословлялъ онъ путь нашъ (*). Чѣмъ ближе къ мѣсту, тѣмъ тревожнѣе чувствую я свою *несостоятельность* въ нашемъ дѣлѣ!

(*) Я послѣ узнала, что около этого самаго времени, здѣшній уроженецъ въ Парижѣ шелъ въ Bois de Boulogne выстрѣлить въ Государя.

Съ трудомъ добралась я до входа къ протоіерею, такъ обстроенъ и окруженъ его домикъ Еврейскими лачугами и грязными жиденятами. А домикъ чисто выбѣленный, съ палисадникомъ, и съ высокой кровлей гонтовой, смотритъ уютно и опрятно; постучалась я у дверей, и не получивъ отвѣта, подошла къ открытому окошку, изъ котораго доходилъ до меня говоръ нѣсколькихъ веселыхъ голосовъ и я спросила громко, дома-ли протоіерей; отворились двери, и въ узенькихъ сѣняхъ увидѣла я старичка въ свѣтломъ подрясникѣ, въ свѣтлыхъ сѣдинахъ съ желтоватымъ отливомъ, съ чистымъ, свѣтлымъ лицемъ, съ веселымъ выраженіемъ? онъ мнѣ показался олицетвореніемъ англійскаго *Sunday afternoon;* не пастора, а самаго вечера воскреснаго дня. Онъ провелъ меня налѣво въ большую чисто убранную комнату съ неуклюжимъ диваномъ неизмѣннаго фасона, который мнѣ хорошо знакомъ изъ Острога и съ клавикордами *роялинъ* свѣтлаго дерева, какъ тѣ, которые мы встрѣчаемъ всюду по дорогѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что видѣнная мною церковь уже переданная въ руки Православныхъ, опятъ потерпѣла отъ пожара въ 1845 году, и что въ пособіи отъ казны въ 500 руб. было отказано, какъ въ слишкомъ большой суммѣ; развалины же *были произведены искуственно,* по обыкновенію, т. е. стали разбирать зданіе, чтобы рас-

таскать кирпичи; продали было на свозъ жиду, который сначала устроилъ себѣ жилье въ алтарѣ, да теперь пріостановили продажу (*), а врядъ-ли перестроятъ; понадобятся уже не 500 р., а 15 тысячъ рублей. Онъ говорилъ свободно и нѣсколько насмѣшливо объ этихъ обычныхъ промахахъ казенной бережливости. Нельзя не благодарить П. Н. Б. когда видишь сколько *пріостановлено* по крайней мѣрѣ дальнѣйшаго разрушенія и поруганія Святыни его личной энергіей и любовію къ дѣлу. Многое, говорятъ, непрочно сдѣлано; есть и промахи, и маленькія междоусобія, и раздражительность самолюбія въ коммисіи о постройкахъ, но безъ личной инціативы Б. и его настойчивости всякій слѣдъ русской святыни въ этомъ краѣ исчезъ бы. Протоіерей говорилъ мнѣ и о Кохановской, и по остальному тракту вездѣ ея имя и память объ ея посѣщеніи встрѣчались намъ и радовали меня. О нашемъ Острожскомъ училищѣ и его настоящемъ открытіи, онъ относился почти также насмѣшливо, какъ о бережливости казны. Ему, кажется, не вѣрится, чтобъ частныя лица, особенно Петербургскія дамы что нибудь серьезное завели такъ далеко. И онъ правъ. Когда же мы дали поводъ думать лучше о

(*) Благодаря предложенію П. Н. Батюшкова.

насъ въ здѣшнемъ краѣ, и самое наше Братское зданіе такъ неудачно строится, что имѣютъ полное право не довѣрять нашимъ словамъ и обѣщаніямъ. Простилась я съ протоіереемъ и пошла опять мимо собора съ молодымъ мѣсяцемъ на правой сторонѣ и крѣпко, крѣпко помолилась я на крестъ древняго собора да подастъ Господь силъ и терпѣнья Марьѣ Ивановнѣ, и благословитъ ее посѣять доброе сѣмя въ молодыхъ сердцахъ здѣшняго народа и, буде можно, да благословитъ ее и плоды увидѣть и первую жатву пожать! Мнѣ это не посиламъ, и не по лѣтамъ!

Насъ увѣрили, что доѣдемъ до Ровно къ ночи. Но здѣсь ночи такъ темны, что у меня не достало духу ѣхать дальше въ темнотѣ. Мѣсяцъ зашелъ и какъ ни ярки были звѣзды, какъ ни тепла Майская ночь, доѣхавъ до Клевани, я рѣшилась переночевать на весьма дурной станціи; и на другой день мы были очень рады. День чудный, дорога живописная, липовыя и дубовыя рощи и лѣса, волнистая, почти гористая мѣстность и послѣдніе отпрыски Карпатовъ вдали (Абратьнскія горы), все это пропало бы во мракѣ ночи, а раннимъ утромъ, па розовомъ небѣ и покрытое росою, какъ все это было хорошо!

26 Мая въ
Острогѣ.

Выѣхавъ изъ Ровно по дорогѣ, мнѣ еще незнакомой—почтовой, но не шоссейной, мы стали уже приближаться къ Острогу. Что насъ ожидаетъ? Какъ Богъ благословитъ? Какъ видна была разница лѣтъ между мною и моей спутницей! Марья Ивановна была сильно взволнована, можетъ быть больше меня; но въ ея молодой тревогѣ было больше надеждъ чѣмъ страху, и отважность молодости придавала прелесть трудному подвигу.—Къ ней относила я мысленно слова поэта:

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской.

А мнѣ видѣлись лишь всякаго рода затрудненія, и мое безсиліе, моя безхарактерность, вся слабость старости. Гдѣ они, отважная рѣшимость, безбоязненное самоотверженіе, гордая увѣренность, пылкая воля моей юности, когда Вел. Кн. Елена Павловна говаривала мнѣ: «Ma chère, vous vous jettez tout de suite à l'eau la tête en avant».—Мы ѣхали въ мол-

чаніи, а ямщикъ разговорился съ моимъ поваромъ и мы услышали что-то про чудотворный образъ. Распросивъ его узнали, что проѣдемъ мимо часовни, гдѣ чудотворная икона Святителя Николая. Разумѣется, я ему сказала остановиться тамъ и проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы вышли изъ коляски передъ тѣнистымъ уголкомъ живописнаго косогора. Прямая тропинка въ двухъ шагахъ привела насъ къ источнику кристальной ключевой воды, которая льется по камышкамъ изъ грота просто обдѣланнаго аркою въ холмѣ, на которомъ, какъ на терассѣ разрослась густая зелень деревъ и на ней горитъ красивый, прозрачно вырѣзанный золоченый крестъ. Вездѣ кругомъ лѣсъ, а въ самомъ гротѣ икона чудотворная,—и по бокамъ изображенія во весь ростъ Св. Князя Ѳедора Острожскаго и Св. Іова Почаевскаго. Не могу выразить какъ глубоко успокоительно воздѣйствовала на меня эта тихая сельская картина, эта мирная, ясная святыня!— Опять случай, этотъ инкогнито Провидѣнія, такъ внятно и понятно давалъ отвѣтъ на мои сомнѣнія, на волненія ума и малодушіе сердца. «Въ немощи Богъ являетъ *свою силу*,» и чѣмъ ничтожнѣй, чѣмъ немощнѣе орудіе, тѣмъ болѣе надежды на успѣхъ.—Мы просили Священника отслужить молебенъ; за нимъ пошелъ отставной солдатъ, сторожъ ключа, и потомъ

надѣлъ свой мундиръ съ медалями, чтобъ подать намъ стаканъ прекрасной холодной воды источника. Пока мы ждали Священника, собралось нѣсколько человѣкъ поселянъ и ямщики сошли съ козелъ. Мы узнали въ разговорѣ, что мѣсто зовутъ: *Гульча*, что въ продолговатой компатѣ въ родѣ бесѣдки, на терассѣ надъ гроттомъ, паны и повстанцы съѣзжались въ мятежное время и совѣщались тамъ, а одинъ изъ пановъ-владѣльцевъ мѣстныхъ снялъ икону Св. Николая и въ поруганіе святыни на самомъ мѣстѣ, гдѣ она висѣла, гдѣ народъ привыкъ молиться, поставилъ зеркало. Я признаюсь, не понимаю даже *le piquant de la chose*, и что значитъ эта шутка, но наши ямщики и солдатъ съ негодованіемъ и отвращеніемъ говорили объ этомъ. Мнѣ оно кажется просто глупо и пошло. Теперешній Священникъ Гульчинскій соорудилъ крестъ и двѣ иконы Св. Ѳедора и Св. Іова и возвратилъ икону Николая Чудотворца на прежнее мѣсто въ гроттѣ:

Лѣсовъ зеленая пустыня
Его широко облегла,
И вѣры ясная святыня
Его подъ кровъ свой приняла.
И не скуютъ тебя морозы
Тебя не ссушитъ лѣтній зной,
И льешъ ты сребряныя слезы
Неистощимою струей.

Эти стихи такъ живо вспоминались мнѣ, они какъ будто написаны для Гульчинскаго ключа и повторяла я мысленно:

> Въ твоей груди, моя Россія,
> Есть также тихій, свѣтлый ключъ!
> Онъ также воды льетъ живыя
> Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ!—

Эта встрѣча, эти молитвы среди лѣсу, съ простыми поселянами, тихими и молчаливыми по обычаю здѣшняго народа, оживили, укрѣпили меня, и я почти съ радостію увидѣла знакомую мѣстность, лѣсистыя высоты Верхова съ его неоконченнымъ замкомъ, и густыя рощи и старыя вѣтьвистыя липы по сторонамъ большой дороги. Я почти почувствовала себя дома. День былъ ясный и тихій, воздухъ живительный—вотъ и крестъ каменный надъ кровлей нашей будущей церкви показался; мы проѣхали мимо кладбища и наше зданіе выглянуло изъ-за деревьевъ. Часть дома, выбѣленная, съ открытыми окнами, смотрѣла весело и чисто, церковь по прежнему пасмурно и грустно. Мы быстро проѣхали мимо; мнѣ хотѣлось сперва помолиться и мы поѣхали въ церковь. Тамъ прибѣжала къ намъ добрѣйшая Прасковья Августовна Гогель. Никто насъ не ждалъ; но скоро братчики сошлись около церкви и добрый нашъ староста Григорьевъ съ свойственнымъ ему

юморомъ сознался, что постройка идетъ плоховато . . . . . и что жить намъ нельзя въ нашемъ зданіи: сыро и запахъ отъ краски слишкомъ силенъ. Мы отправились туда. Не было возможности и полчаса вынести этотъ воздухъ. Я ожидала неудобствъ, но они превзошли мои опасенія. И мы начали кочевую жизнь и Богъ вѣсть на сколько времени!

Антонина Блудова.

Какъ вездѣ въ Россіи, такъ и у насъ, въ г. Острогѣ, съ душевнымъ содроганіемъ, съ глубокой скорбію и съ несказанной благодарностію къ благому Промыслу Божію, была принята вѣсть о новомъ покушеніи на жизнь Государя и о вторичномъ спасеніи его. Не будемъ описывать внѣшнихъ выраженій этихъ чувствъ—о нихъ уже писали въ газетахъ; скажемъ только о глубокомъ убѣжденіи всѣхъ русскихъ здѣсь—что *корень зла не* истребить никакими полицейскими мѣрами, а изъ этого корня выростаютъ и многія прискорбныя явленія русской жизни, даже въ мѣстностяхъ весьма отдаленныхъ отсюда. Довольно разсказать одинъ случай недавній. Острожскіе русскіе жители, въ первымъ тревожномъ чувствѣ негодованія и радости, отправили поздравительную телеграмму въ Парижъ, въ которой было сказано: «*жители Волыни коренной руской земли*». Нашлись лица *польскаго* происхожденія, которыя отклонились отъ подписанія, говоря: «*какъ можно подписать адресъ, въ которомъ Волынь объявляется русскою землею*»? и хотѣли послать свой особый адресъ, въ которомъ они отвергаютъ *всякую солидарность съ гнуснымъ*

убійцей. Не ясно-ли, что и здѣсь, и всюду, только *образъ дѣйствія* порицается поляками, *а образъ мыслей*, а притязанія на родное достояніе Россіи отнюдь не отличаются своимъ упрямствомъ и фанатизмомъ отъ тѣхъ, которые порождаютъ политическихъ преступниковъ, приводящихъ въ дѣйствіе крайнія убѣжденія партіи, которая отрекается потомъ отъ исчадія своего. Когда видишь и слышишь вблизи, къ какому изувѣрству способны молодыя женщины, и на что онѣ способны, чтобы воздѣйствовать на своихъ родныхъ или мужей, когда вспомнишь, что Ярошинскій, Каракозовъ, Березовскій почти *отроки*, когда вспомнишь продѣлки польской Цирцеи въ Казани, года 4 назадъ,—то надобно добровольно закрывать глаза и лгать самимъ себѣ, чтобъ не видѣть ясно, гдѣ гнѣздится зло и гдѣ искать лекарства. Простой народъ здѣсь инстинктивно понимаетъ положеніе какъ оно есть; народъ говоритъ: «поляки мстятъ Царю за насъ,—за то, что Онъ насъ отнялъ отъ нихъ и далъ намъ вздохнуть».

Но со всею своею признательностію и пониманіемъ истиннаго положенія дѣлъ, русскій элементъ туземный является несостоятельнымъ матеріально и умственно: нѣтъ матеріальныхъ средствъ для развитія промышленности и торговли, нѣтъ средствъ для ум-

ственнаго образованія. Какая же полиція, какая-же администрація можетъ въ такомъ положеніи края развить гражданственность (цивилизацію) русскую на этой заглохшей русской землѣ? Усиленіе русскаго землевладѣнія, съ непремѣннымъ условіемъ пребыванія русскихъ покупателей, хотя на лѣтнее время, въ своихъ владѣніяхъ, и усиленіе русской интеллигенціи, посредствомъ училищъ и торговли—вотъ единственный исходъ для насъ. Воспитаніе, воспитаніе и воспитаніе! для русскихъ туземцевъ и для дѣтей русскихъ служащихъ здѣсь; воспитаніе для женщинъ—это краеугольный камень того зданія, для котораго основаніе лежитъ прочно и глубоко въ массѣ простаго народа, если захотимъ когда-либо возстановить развалины древней Руси въ западномъ краѣ.

Тогда здѣсь Польши ужъ не будетъ,
И имя Польши свѣтъ забудетъ,
И на развалинахъ ея,
Красою юною блистая,
Возстанетъ Русь передовая,
Дщерь неизмѣнная Твоя;

Эти слова поэта, сказанныя 37 лѣтъ назадъ Императору Николаю Павловичу можно повторить теперь и Преемнику его, такъ много сдѣлавшему уже для возрожденія роднаго чувства на Руси.

Этому святому и великому дѣлу посвятило свою

посильную дѣятельность и свои скромныя средства св. Кирилло-Меѳодіевское Братство въ Острогѣ и, по мѣрѣ силъ своихъ, положило нынѣ ознаменовать свою благодарную радость о спасеніи русскаго Царя. Начали сборъ на вкладъ въ 2.000 р., для воспитанія на проценты съ этой суммы постоянно (ибо кто дерзнетъ сказать слово *вѣчно*, о чемъ-либо земномъ) одной ученицы въ св. Кирилло-Меѳодіевскомъ высшемъ училищѣ графа Блудова, въ память событія 25-го мая, и назвать ее «Царской воспитанницей». Но братчики у насъ небогатые люди и трудно между нами собрать столько денегъ, и потому просимъ посильнаго содѣйствія всѣхъ русскихъ людей.

Іюня 5-го. Въ Духовъ день былъ у насъ молебенъ съ водосвятіемъ для освѣщенія пяти комнатъ, оконченныхъ въ нашемъ училищномъ зданіи, а потомъ на открытомъ воздухѣ за оградой—торжественный молебенъ царскій, благодарственный, за спасеніе драгоцѣнной жизни Государя нашего, благодѣтеля всей Россіи, и благодѣтеля собственно нашего братства, получившаго отъ его Величества зданіе свое и средства на его перестройку. Молодые голоса учепицъ, пѣвшихъ всю службу, какъ-то трогательно отзывались въ сердцахъ молящихся русскихъ, среди этихъ развалинъ, медленно возстающихъ изъ своего запустѣнія и съ мыслію объ опасности, грозившей Тому, Кто возстановляетъ нашъ край, и нравственно, и матеріально,—опасности, грозившей именно за то, что Онъ освободилъ и развиваетъ русскій народъ здѣшній,—опасности, грозившей отъ руки здѣшняго уроженца; съ этой мыслію примѣшивалась къ нашей радости невольная грусть, и

гнетущее русское сердце обидное чувство отчужденности нашей въ собственной отчизнѣ, на собственной землѣ, отъ значительной части населенія, которая такъ долго хозяйничала здѣсь и теперь еще считаетъ себя выше насъ своимъ образованіемъ и положеніемъ. Какъ рѣзко это состояніе края отзывается на простонародіи, мы видѣли вчера своими глазами; сдержанность, осторожность или — какъ это назвать? недовѣрчивость что-ли, здѣшнихъ уроженцевъ такъ непохожа на открытую веселую рѣчь и всегда готовую пѣснь, которая при всякомъ случаѣ выливается изъ души и изъ устъ русскаго человѣка, заливающагося ею какъ соловей, въ концѣ дня, послѣ дружной работы или во время работъ. Такъ и вчера: послѣ молебна было у насъ угощеніе рабочимъ, которые уже отъ себя пригласили раздѣлить ужинъ пять или шесть человѣкъ убогихъ и нищихъ, слушавшихъ молебенъ. У нихъ артель человѣкъ въ 50, изъ которыхъ человѣкъ 20 пришедшихъ съ подрядчикомъ изъ внутреннихъ губерній. «Я изъ Калуги»—«я съ Добрянки»—«мой отецъ изъ Орла, а мать изъ-подъ Тулы» и такъ далѣе, отвѣчали они на мой вопросъ откуда? ибо лица ихъ такія великорусскія, что нельзя не отличить ихъ отъ украинцевъ. И вотъ, какъ поднесли имъ винца, да подрядчикъ Кириллъ сказалъ: «за здравіе Государя!» они такъ

дружно воскликнули «*ура!*» что сердце у насъ забилось радостно,—такъ много въ этомъ «*ура*»! слышится и силы, и отваги, и сливающагося во-едино общаго чувства и общаго дѣла. На меня оно подѣйствовало, какъ видъ нашихъ большихъ, сплошныхъ, стѣною выстроенныхъ селъ; не живописны они, нѣтъ личной фантазіи, но такъ и дышатъ силой крѣпкой связи всѣхъ во-едино. Чувствуется, что тутъ возможенъ отпоръ и враждебнымъ стихіямъ, и дикимъ звѣрямъ, и недобрымъ людямъ. Не типъ-ли это народа *колонизатора*, который, пядь за пядью, завоевывалъ земли пустынныя и шелъ все дальше и дальше въ глухія дебри и лѣса и въ безграничную и безводную степь и, мирнымъ заселеніемъ и крѣпкимъ трудомъ, завоевалъ половину европейскаго материка и половину азіятскаго. Весело поужинала артель, еще разъ прокричала «*ура!*» да стала въ кружокъ по-одаль, подъ сѣнію большихъ старыхъ липъ, и запѣли они: «Спаси, Господи, люди Твоя... Побѣды Императору нашему Александру Николаевичу насупротивныя даруяй!»

А тамъ зазвучали пѣсни народная и солдатская, и «Сѣни кленовыя», и «Волгаматушка» и работа въ Питерѣ и что-то въ родѣ бабушкина козлика и сѣрыхъ волковъ, съ присвистомъ и топотомъ; а здѣшніе люди, горожане и работники, слушали въ сво-

емъ невозмутимомъ спокойствіи и молчаніи, какъбы недоумѣвая, между тѣмъ какъ одинъ парень въ бѣлой рубахѣ и пестромъ жилетѣ толковалъ и какъбудто объяснялъ все это молодому украинцу въ темно-сѣромъ кафтанѣ съ малиновой опушкой и капишономъ, украшеннымъ малиновымъ узоромъ. За оградой зданія, долго стояли, и сидѣли, и гуляли евреи и еврейки и, кажется, нѣсколько пановъ изъ шляхты или мѣщанъ польскихъ съ любопытствомъ и удивленіемъ наблюдали за этимъ необыкновеннымъ въ здѣшней мѣстности явленіемъ. Одинъ изъ нашихъ братчиковъ говорилъ намъ года два тому назадъ въ Кіевѣ: «настоящее обрусеніе западнаго края будетъ всего лучше и успѣшнѣе идти черезъ русскихъ работниковъ и ихъ артели». Къ сожалѣнію, мало приходитъ работниковъ въ здѣшній край и ихъ не думаютъ вызывать; даже церкви сплошь да рядомъ строятся евреями, да еще бы строились хорошо и прочно, но часто случается, что и трехъ лѣтъ не стоятъ онѣ безъ капитальныхъ исправленій. Многому можно поучиться здѣсь на мѣстѣ, которое издали кажется намъ (въ Москвѣ или Петербургѣ) слишкомъ маловажнымъ, а на дѣлѣ оно огромной важности для будущаго Россіи, и часто служитъ урокомъ или объясненіемъ нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій и въ остальной Россіи. Когда поль-

скіе эмигранты протестуютъ съ негодованіемъ противъ покушенія Березовскаго, мнѣ приходитъ на мысль, что легко омывать себѣ руки и отказываться отъ приступника, попавшагося въ руки полиціи; но тѣ, кто сочинили или распространяли и покорялись польскому катехизису, кто, подъ видомъ примиренія и покорности, ласкаютъ и русскихъ и польскихъ молодыхъ людей и говорятъ имъ, что Литва и Украйна — польскія земли, что добродѣтель и гражданская обязанность для всякаго поляка требовать возвращенія ихъ Царству Польскому, что русское правительство не что иное какъ узурпаторство и что грѣшно и стыдно подписывать адресъ, въ которомъ говорится, что Волынь—коренная русская земля; тѣ, кто все это сдѣлали и дѣлаютъ, тѣ, конечно, и передъ Богомъ, и передъ людьми взяли на душу тяжелый грѣхъ.

Оборони насъ Богъ отъ такой лжи—въ ней-то и лежитъ *корень зла*. Отъ лицемѣрія и лжи прежде и болѣе всего должны мы старатся оградить и охранить учепицъ нашего братства и всѣхъ членовъ его!

«Правда!» писалъ графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, въ чью память и основано наше училище,—«правда, она лучше всего въ мірѣ. Служеніе ей—есть служеніе Богу, и я молю Его, чтобъ на-

ши дѣти во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками, а буде нужно и страдальцами»!

Такою молитвою помолимся и всѣ мы за дѣтей нашего училища и за насъ самихъ Свято-Кирилло-Меѳодіевскихъ братчиковъ. А...

30-го іюня въ 2 ½ часа, собрались всѣ ученицы приходской маленькой школы при Свято-Кирилло-Меѳодіевскомъ Братствѣ, чтобъ сдать свой годичный экзаменъ. Всѣхъ ихъ 25, изъ которыхъ семь, самыя старшія, отъ 11 до 13 лѣтъ, уже читаютъ очень хорошо, пишутъ подъ диктовку, знакомы съ четырьмя правилами ариѳметики. Изъ Закона Божія прошли онѣ почти всю исторію ветхаго завѣта и знаютъ толкованіе всѣхъ общеупотребительныхъ молитвъ.

Другія восемь читаютъ по-русски и по-славянски, начинаютъ знакомиться съ первыми четырьмя правилами ариѳметики; а изъ Закона Божія идутъ почти наравнѣ со старшими, такъ-какъ имъ легко запоминать простые, ясные разсказы ихъ законоучителя.

Остальныя дѣвочки, 6, 7 и 8 лѣтъ еще учатся азбуки, знаютъ наизустъ молитвы, а главное, знаютъ истолкованіе ихъ. Экзаменъ оказался болѣе чѣмъ хорошъ. Если взять во вниманіе бѣдность почти всѣхъ дѣтей, дальность разстоянія (одна или двѣ должны ходить за 2 версты), а главное—ихъ обстановку семейную, то дѣйствительно надо удивляться и благоговѣть передъ трудами священника, завѣды-

вающаго этой школой. Еще болѣе замѣчательно, что онъ съумѣлъ вселить въ нихъ любовь къ ученію. На другой день многія дѣти, и именно тѣ, которыя еще только учатся грамотѣ, приходили попросить, чтобъ имъ дали на домъ книги, потому что онѣ не хотятъ забывать, что выучили. Шестеро изъ нихъ получили награду. Остается желать, чтобъ Богъ благословилъ начатое дѣло, и чтобъ мы могли поддерживать ту любовь и охоту къ ученію, которыя проявляются здѣсь.

Краткій отчетъ Братскаго Собранія 2-го іюля 1867 г.

Читали телеграмму, полученную изъ Петербурга отъ братчика Виктора Афонасьевича Абазы слѣдующаго содержанія: «Вполнѣ сочувствуя мысли вашей о воспитаніи въ нашемъ училищѣ дѣвицы въ память 25-го мая, и по безпредѣльной благодарности Богу за спасеніе жизни Государя Императора прошу принять отъ меня пожертвованіе всего нужнаго капитала».

Положили благодарить письменно усерднаго братчика и присоединить къ суммѣ этой, 2.000 р., тѣ деньги, которыя будутъ еще собраны.

Нынѣ находится на сей предметъ: Отъ В. А. Абазы 2.000 руб., черезъ графиню Шереметеву—130 руб., отъ редакціи газеты «Москва» изъ присланныхъ въ помощь западнаго края—300 руб., отъ Ив. Вл. Галлера—15 руб., отъ графини Блудовой—25 руб.

Положено взять въ стипендіатки *Крылова*—дочь причетника *Марію Балковскую,* принадлежащую къ многочисленному, небогатому семейству и оказавшую большія способности и прилежаніе.

Первой воспитанницей графа Шереметева взять *Анну Ѳедоровичъ,* дочь умершаго исправника, пострадавшаго отъ польской клеветы во время мятежа.

Второй воспитанницей графа Шереметева предлагаютъ взять *Елисавету Григорьеву,* дочь недавно умершаго церковнаго старосты Братства, уѣзднаго почтмейстера, если мать ея того пожелаетъ.

Царской воспитанницей (въ память 25-го мая) положено выбрать между лучшими ученицами братской школы, непремѣнно уроженку здѣшней Волынской губерніи. Катерина Зиневичь, сирота, дочь священника, умная добронравная прилежная ученица 9-ти лѣтняя выбрана.

Тутъ же подписанъ контрактъ съ подрядчикомъ Кирилломъ Золотухинымъ на всѣ остальныя рабо-

ты, срокомъ по Кузьмѣ и Демьяну (1-го ноября). Церковь же должна быть совершенно окончена внутри къ 1-му сентября, дабы успѣть освятить боковый придѣлъ св. Пантелеймона-Цѣлителя наканунѣ Рождества Божіей Матери.

---

28 Іюля Острогъ.

Праздникъ Божіей Матери Одигитріи Смоленской—храмъ Дѣвичьяго Монастыря въ Москвѣ—сколько, сколько воспоминаній и думъ роятся около меня! здѣсь всѣ эти московскіе праздники неизвѣстны, но у насъ въ Пятницкой церкви была заказная обѣдня, а вчера въ день Святаго Пантелеймона, послѣ обѣдни молебенъ въ нашемъ домѣ и угощеніе работникамъ, и при плошкахъ на подъѣздѣ да при пѣсняхъ рабочей артели нашей, образовалось *гуляніе* на нашемъ выгонѣ и пляски великорусская въ присядку и малороссійская съ зайчикомъ. Ночь была восхитительная, теплая, какъ лѣтнія сѣверныя ночи, темная, какъ ночи южныя, но съ яркимъ мерцаніемъ лучезарныхъ созвѣздій—вмѣстѣ яркихъ и тихихъ—не могу передать словами впечатлѣнія на меня лѣтнихъ южныхъ звѣздъ—это не *острый* блескъ зимняго неба, которое будто *пронзительно* блеститъ—это тихое, мирное, *ровное* сіяніе миріадъ на миріады свѣтлыхъ очей Божіихъ Ангеловъ, взирающихъ съ любовію на человѣка. Что здѣсь за великолѣпіе этотъ млечный путь, который свѣтитъ почти такъ ясно какъ мѣсяцъ!—вчера у насъ двойной праздникъ:

будущій храмовый придѣлъ и рожденіе нашей Царственной покровительницы—истинной покровительницы и помощницы, хотя *офиціально* Ея имя не присвоено нашимъ учрежденіямъ.—Наши народныя угощенія въ царскіе дни здѣсь диковина, и всегда привлекають любопытныхъ, такъ что образуется всякій разъ что-то въ родѣ публичнаго гулянія, на которое непремѣнно являются длиннополые сюртуки Іудеевъ во множествѣ. Это изнанка нашихъ скромныхъ пировъ, доказывающая огромный перевѣсъ жидовскаго населенія нашего заброшеннаго опальнаго городка!

24-го въ день южно-русскаго праздника памяти Св. Бориса и Глѣба, заложили мы нашу колокольню или лучше сказать звоницу надъ воротами ограды—а послѣ молебна, отправились на богомоліе въ Заславскій уѣздъ въ Городищенскій Женскій Монастырь. Песчаная, тяжелая и скучная дорога боромъ, почти вплоть до Заславля, приводитъ къ падшему, или распадающемуся великолѣпію магнатской усадьбы, настоящаго, огромнаго дворца Style *renaissance* князей С., которымъ принадлежитъ почти весь уѣздъ. Я вспомнила давнишнее время, 1847 годъ, въ Вѣнѣ когда шли такъ сказать негоціаціи съ старымъ княземъ именно объ этомъ наслѣдствѣ въ Россіи. Настоящій наслѣдникъ Князь Романъ, былъ

разжалованъ въ солдаты, или сосланъ въ 30-хъ годахъ и не имѣлъ права наслѣдства. Его дочь привлекательная и милая Графиня Альфредъ П. наслѣдовала часть именія послѣ дѣда, другая засимъ должна была идти къ австрійскому подданному—но Государь требовалъ чтобъ онъ избралъ однаго изъ сыновей и прислалъ его на воспитаніе въ Россію, дабы огромное имѣніе и огромная власть помѣщика тогдашняго надъ тысячами и тысячами крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежали нетолько русскому подданному, но и русскому человѣку. Въ то время можно было еще обольщать себя надеждой, что польскій князь дастъ обрусить себя или сына. Сосланный Романъ Сангушко потерявшій свои права, былъ измѣнникъ присягѣ и врагъ Россіи, но былъ честной натуры человѣкъ, открыто, съ оружіемъ въ рукѣ, возставшій противъ правительства и народности русскихъ.—У братца его какъ у Булгарина въ эпиграммѣ Князя Вяземскаго, напротивъ была «*Хитра* къ отечеству любовь» и день за день, годъ за годъ онъ откладывалъ высылать сына въ Петербургъ, избирая сперва старшаго, потомъ втораго, и когда я была въ Вѣнѣ то уже заговаривала о третьемъ сынѣ съ Графомъ М., который приходилъ въ азартъ, всякій разъ какъ только вспоминалъ переговоры, колебанія и хитро-

*

сплетеніе ясновельможнаго Князя соединяющаго въ себѣ Польскаго Папа и Нѣмецкаго аристократа съ примѣсью австрійско-венгерскаго вельможи. Бѣдный М. уже разстроенный нервами, не могъ выносить всей спѣси этой смѣси! Это было накапунѣ 1848 года когда надѣялись изъ тогдашняго броженія умовъ вывести что нибудь вредное для Россіи и полезное для Польши. Вышло не такъ, но за то въ самое время безнадежности на открытую помощь Франціи, образовалась новая школа эмиграціи соединяющая въ себѣ качество французскаго шарлатана съ италіанскимъ bravo-убійцею — отвратительное исчадіе современной политики, съ которой приходится нынѣ бороться Россіи. При этомъ новомъ воззрѣніи на польскій патріотизмъ, котораго изъ сыновей рѣшился Князь С. прислать въ Петербургъ не знаю, но одинъ изъ нихъ служилъ въ гвардіи и теперь ихъ живетъ трое въ *Славути*,—другое имѣніе подъ Заславлемъ, и тамъ среди фабричнаго населенія большихъ, разнообразныхъ мануфактуръ, пріютились около нихъ до 60 человѣкъ бывшихъ чиновниковъ, отставленныхъ за ихъ *ненадежность*, составляющихъ теперь Шляхетскій Дворъ С. Это послѣднее магнатское гнѣздо, притонъ недобрыхъ молодцевъ, съ которыми идетъ глухая борьба, отъ которыхъ исхо-

дитъ подпольная агитація, но гдѣ все такъ шито и крыто что придраться не къ чему, и даже Князь ѣздилъ, говорятъ, нарочно въ столицу, чтобъ привести оттуда *русскаго* управителя. Такъ этотъ Князь старателенъ и благонадеженъ и печется объ обрусеніи своего уѣзда! Но гдѣ болѣзнь, говоритъ пословица, тамъ Богъ даетъ и лекарство. И вотъ, подлѣ всей этой гнили стараго времени, въ новомодной одеждѣ современнаго прогресса промышленнаго и политическаго, Господь насадилъ свой разсадникъ изъ добраго древняго корня, къ которому привилъ Онъ добрыя вѣтви современной дѣятельности. Верстахъ въ 12 или 15 отъ Заславьскихъ дворцовъ, мельницъ и фабрикъ въ измѣнившейся мало по малу мѣстности, среди восхитительныхъ зеленыхъ холмовъ и густыхъ рощъ, на возвышенности окаймленной быстрой рѣчкою, поднимается бѣлое красивое зданіе русскаго монастыря съ своими святыми воротами, каменной оградой и наружной стѣной, живописью, которые всѣ вмѣстѣ измѣняютъ нѣсколько латынское свойство двухъ-башенной церкви, бывшей бернардинскимъ костеломъ до 30-хъ годовъ. Чистота, опрятность, порядокъ почти голландскіе и голландскаго свойства прелестный цвѣтникъ, первые поражаютъ Васъ послѣ церкви, а внутренняя жизнь этой благочестивой, благословен-

ной христіанской общины дышетъ миромъ, любовію и трудомъ, изъ которыхъ истекаетъ духовная радость, украшающая своимъ выраженіемъ самыя обыкновенныя и старыя лица, здѣсь, среди всѣхъ лишеній и утомленій бѣдной жизни и напряженной работы для добытія насущнаго хлѣба. Мы пріѣхали невзначай вечеромъ, когда уже смеркалось. Мать игуменія еще не вставала съ одра болѣзни, во время которой находилась на краю могилы;—однако не смотря на всѣ эти обстоятельства мы нашли все въ такомъ симпатичномъ порядкѣ что, съ перваго взгляда и во всѣ три дня нашего пребыванія, было видно, что этотъ порядокъ не мертвящій порядокъ холоднаго исполненія хорошо *дрессированной* прислуги, но порядокъ *живой*, порядокъ привычекъ опрятности и любви къ *послушанію*, исполняемому съ сердечною простотою и ревностію, съ оттѣнкомъ изящнаго вкуса, который проглядываетъ и въ простѣйшей обстановкѣ образованной женщины. Насъ встрѣтила мать казначейша, еще довольно молодая дѣвушка, но изнуренная трудами и заботою о больной теткѣ. Племянница игуменьи, она воспитывалась въ Харьковѣ и не много лѣтъ назадъ переселилась сюда для управленія школой монастырскою. Радушный пріемъ ея, полный ласковой простоты благовоспитанной женщины и усердія хорошей хозяйки, съ первой же

встрѣчи такъ сказать сроднили насъ съ обителью.— Мы почувствовали себя дома, подъ этимъ мирнымъ кровомъ, который сдѣлался пріютомъ для всѣхъ страждующихъ, для всѣхъ беззащитныхъ, для всѣхъ нуждающихся въ помощи и убѣжищѣ. Монастырь общежительный, третьеклассный полагается на 10 или 12 сестеръ, а ихъ до семидесяти, несчитая и безпріютныхъ женщинъ, которыя призрѣваемы здѣсь, и 36 дѣвочекъ, всѣхъ возрастовъ и званій, которыя здѣсь обучаются. Чѣмъ живутъ онѣ? чѣмъ достраивается домъ и зимняя церковь? эта тайна между Богомъ и добрыми людьми, изъ тѣхъ, у которыхъ лѣвая рука не знаетъ что дѣлаетъ правая. У монастыря 40 десятинъ земли въ 45 верстахъ разстоянія, гдѣ былъ прежній монастырь Базильянокъ въ Полоннѣ; вотъ его угодія и богатства. Такъ какъ тамъ зданіе окончательно обрушилось, а нечѣмъ было его поддержать, то перевели монастырь въ зданіе упраздненнаго Бернардинскаго монастыря, который въ теченіе долгихъ лѣтъ былъ сельской церковью и церковнымъ домомъ для священника; средства не дозволяли ему поддерживать огромнаго зданія, а привычки ежедневной жизни, какъ видно, были исполнены нерадѣнія и неряшества. Когда перевели инокинь сюда, все разваливалось кромѣ 2-хъ, 3-хъ комнатъ внизу, въ которыхъ жило семейство священни-

ка и большой залы, въ которой онъ держалъ скотину вмѣсто хлѣва. Въ этой тѣснотѣ и нечистотѣ достойной баснословныхъ хлѣвовъ очищенныхъ Геркулесомъ, должны были цѣлый годъ помѣщаться около 40 сестеръ, и что̀ стоило трудовъ, работы и здоровья, чтобы привести въ порядокъ и перестроить, хотя часть зданія, можно себѣ вообразить. Многіе инокини впали въ чахотку, нѣсколько, именно изъ молодыхъ, умерли, остальныя продолжаютъ трудиться и работать уже въ улучшенномъ положеніи. Что согрѣваетъ вашу душу въ Городищенскомъ монастырѣ, это не только дѣятельность и трудъ, которые сами по себѣ уже истинное благо, но то, что эта дѣятельность не сосредоточена единственно на удовлетвореніи собственныхъ нуждъ и что она еще болѣе относится къ ближнимъ, чѣмъ къ самой обители. Денежныя средства такъ ничтожны, что и на 20 человѣкъ мало, но придетъ молодая дѣвушка сирота безъ дома, безъ родственниковъ, безъ работы. Возьмите меня, говоритъ она игуменьи; но мѣста нѣтъ, но и такъ трудно прокармливаться. Однако дѣвушка настаиваетъ. Бездомная, беззащитная, она погибнетъ въ мірѣ, въ этомъ мірѣ исполненномъ соблазновъ и искушеній, для бѣдности и молодости особенно. Ну, какже отказать? Какъ взять такой грѣхъ на душу? и дѣвушку принимаютъ. Приходитъ ста-

рушка; она тоже осиротѣла; бездѣтная вдова, не въ силахъ заработывать хлѣбъ, часто болѣетъ и почти ослѣпла. Куда ей дѣваться? Возьмите меня! говоритъ она тоже. Но нѣтъ средствъ; даже для самихъ сестеръ не хватаетъ. «Что же? говоритъ она, придется мнѣ у Васъ на паперти лечь да умереть?»

Ну какъ же отказать безпомощной? Какъ оттолкнуть стараго человѣка, которому и такъ не долго жить? И старуху принимаютъ также. Овдовѣетъ солдатъ или работникъ въ сосѣдствѣ—онъ приводитъ маленкую дочьку въ Монастырь. Гдѣ ему воспитывать дѣвочку безъ матери? Возьмите ее, а то она пропадетъ! Но дѣвочка двухлѣтняя, ее въ школу рано помѣстить! для нее нужна нянька. А отецъ повторяетъ, что ему некуда дѣвать ребенка, что онъ просто оставитъ дѣвочку у монастырскихъ воротъ, пускай волки съѣдятъ, если у васъ нѣтъ жалости къ малому дитяти!

Ну какъ же въ самомъ дѣлѣ не сжалиться! И берутъ дѣвочку и нанимаютъ старую крестьянку въ няньки для нея. Разумѣется такой примѣръ заманчивъ и навязываютъ другихъ дѣтей, благо уже есть нянька. Въ самомъ училищѣ гдѣ есть дѣвочки отъ 7 лѣтъ до 15 платятъ, и то̀ бездѣлицу, только пять или шесть. Остальныя воспитываются на монастырскій счетъ. Экзаменуя дѣтей на другой день нашего прі-

ѣзда, я вызвала миловидную брюнетку съ тонкими чертами, съ груснымъ, но умнымъ выраженіемъ глазъ, дѣвочку лѣтъ 10. Я спросила что то изъ географіи. Она покраснѣла, замялась, и остановилась молча передъ картою. «Вотъ видишь, Маня, сказалъ учитель, что значитъ лѣниться, ты ничему не выучилась, вотъ теперь и стыдно, не можешь отвѣчать.»

«А ты не любишь учиться спросила я?»

Не люблю.

— Можетъ быть любишь рукодѣлье?

Нѣтъ не люблю.

Что же ты любишь дѣлать?

Что люблю дѣлать? Ничего.

Вышло, однако, что она любитъ убирать комнату и приводить въ порядокъ и что до десяти лѣтъ не имѣла другаго занятія. Отецъ ея, чиновникъ, и мать умерли скоро другъ послѣ друга, когда ей было всего два года отъ роду и не было у нее никого близкаго кромѣ старика дѣда, монаха въ Любарскомъ монастырѣ, и на 3-мъ году сиротка очутилась въ келліи старца, гдѣ и жила до 9 лѣтъ, одна, съ дряхлымъ дѣдомъ, который выучилъ ее только грамотѣ, да и то довольно плохо. Прошлаго года приходитъ въ Городище старый, старый монахъ, и ведетъ за руку маленькую, худенькую, хорошенькую дѣвочку;—онъ передаетъ игуменьи письмо отъ Настоятеля Любарскаго, который пишетъ

что дитя подрастаетъ, что невозможно держать ее долѣе въ мужской обителѣ, а у нея никого нѣтъ кромѣ дѣда. Самъ старикъ умолялъ призрѣть сиротку, которая одна на бѣломъ свѣтѣ, а держать ее у себя ужъ ему невозможно. Опять мать Игуменья въ недоумѣніи, вспомнила что у нихъ такъ много народу, что неnаработаешься на всѣхъ, а у монастыря ужь есть долги; но что тутъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлаешь? Вѣдь дитя пропадетъ! И взяла она малютку Маню, во имя Матери Божіей, которой нѣкуда было положить Своего Младенца-Бога, какъ только въ ясляхъ въ хлѣву. Старый монахъ благословилъ свою малютку, простился съ нею и побрелъ тихонько въ свой обратный путь. Не прошло двухъ недѣль, и онъ скончался спокойно въ своей одинокой келліи, которую такъ долго убирала для него Манечка; когда порвалась эта послѣдняя нить, привязывавшая его къ міру, когда скрылся этотъ послѣдній лучъ земной радости озарявшій темный вечеръ его жизни угасъ и самъ старикъ: отпустилъ Господь раба своего съ миромъ, давъ ему видѣть спасеніе малютки своей.

И вотъ Маня жившая всю жизнь свою 9-ти лѣтнюю, маленькимъ старцемъ въ пустынно-жительствѣ, очутилась среди многолюдной обители въ общежительствѣ, съ цѣлой толпой рѣзвыхъ веселыхъ дѣвочекъ, ея сверстницъ, но ничѣмъ не похожихъ на нее,

и ей показалось все это такъ дико и ни съ чѣмъ несообразно, что долго привыкнуть немогла; потребовали отъ нея, вольной птички, послушанія, прилежанія, легкаго труда—труда рукодѣлія и первоначальныхъ уроковъ—но и это для нея было дико и трудно, и казалось не по силамъ и безъ пользы; жилось же ей привольно до тѣхъ поръ и безъ всего этого.—Учитель былъ всегда недоволенъ и высылалъ ее изъ классовъ за лѣнь, потому что способности у нея много, да только прилежности нѣтъ. Но мать казначейша всетаки ее приголубитъ и утѣшитъ хотя бранить ее, но кротко и любовно—и увы! безъ пользы. Маня все лѣнится. Что же ты дѣлала цѣлый день у дѣдушки въ Любари? спросила я ее.

«А ничего, отвѣчала она.»

Что же ты ѣла?

«Дѣдушка пойдетъ въ трапезу да какъ отобѣдаютъ, такъ онъ принесетъ мнѣ кусочекъ рыбы да хлѣба—ну, тамъ, что у нихъ бывало.»

А утромъ?

«Утромъ дѣдушка тоже дастъ мнѣ что нибудь поѣсть. Онъ пойдетъ къ заутрени, я убираю все у него въ келліѣ да какъ уберу и пойду въ огородъ или въ рощу.»

И что же ты дѣлаешь тамъ?

«А смотрю какъ работаютъ, а другой разъ играю

одна, да хожу, гуляю и бѣгаю. Ну погляжу кто проѣдитъ. Ну, тамъ и птички и бабочки.»

И весь день ничего не дѣлаешь?

«Ничего весь день, какъ только келлію уберу.»

И тебѣ не скучно было?

Ея грустные глазенки оживились.

Ахъ! нѣтъ не скучно! Было хорошо.

Мы съ матеріею казначейшей посмотрѣли другъ на друга и у насъ слезы навернулись на глаза. Въ чемъ виноватъ бѣдный ребенокъ?

«Манечка, сказала я ей, теперь я понимаю; ты все жила маленькимъ старцемъ со старцами. Но ты вѣдь не старецъ, ты дѣвочка, и видишь тебя и оставить тамъ нельзя было; и дѣдушка у Бога; куда ты дѣнешся какъ подростешь? Видишь, всѣ работаютъ, всѣ трудятся, а чтобъ хорошо работать, надобно поучиться. Неужели ты не хочешь постараться?»

«Постараюсь, отвѣчала она съ грустію опять» постараюсь, а охоты нѣтъ. Эта правдивость ребенка мнѣ особенно по сердцу пришлась. Никто какъ Богъ, Маня, сказала я ей; помолись. Онъ тебѣ пошлетъ и охоту; а пока нѣтъ охоты, ты изъ послушанія учись. Я дамъ тебѣ образокъ Св. Кирилла и Меѳодія и ихъ житіе. Они намъ азбуку сочинили, они первые школы завели, они весь свой вѣкъ трудились и учили,

помолись имъ чтобъ они помогли тебѣ трудиться и выпросили тебѣ у Бога охоту къ ученію.

Она мнѣ кинулась на шею, глаза ея наполнились слезами, и она сказала мнѣ тихо, тихо на ухо! «Буду молиться и учиться буду».

Въ этотъ день она съ большимъ рвеніемъ слушала какъ сестра Анастасья, молодая послушница (или монахиня), которая завѣдываетъ дѣтьми въ школѣ читала въ слухъ житіе Св. Селунскихъ братьевъ. Но на другой день кажется всѣ благія намѣренія испарились и она летала опять дикой пташкой на дворѣ и въ цвѣтникѣ.

Между другими дѣвочками есть много умненькихъ, хорошо развитыхъ, старательныхъ, дѣлающимъ честь учителю, который изъ собственной охоты и призванію даетъ уроки и ведетъ всю школу теперь, съ тѣхъ поръ какъ мать Алевтина казначейшей и ей нѣкогда заниматься постоянно съ дѣтьми. Онъ за свои труды по учебной части не получаетъ вознагражденія, а собственно состоитъ псаломщикомъ и регентомъ при почтенномъ старикѣ священникѣ монастырскомъ. И дѣти и крылошанки очень хорошо поютъ и въ этихъ густыхъ, глубокихъ, южныхъ голосахъ нѣтъ ничего похожаго на пискливость и носовые звуки женскихъ хоровъ, на нашемъ сѣверѣ. Вообще служба благолѣпная и умилительная и акаѳистъ Бо-

жіей Матери какъ то особенно выразительно читается. Тутъ въ Кивотѣ, направо отъ алтаря, поставлена икона Рождества Божіей Матери (храмоваго праздника), присланная принцессой Дагмаръ, первымъ Ея приношеніемъ въ церковь русскую по принятіи ею православія. Случайно вышло, что выбравъ для этой иконы почетное и видное мѣсто ее поставили подъ большимъ образомъ Святителя Николая копія съ чудотворнаго, находящагося тамъ прежде. Такимъ образомъ соединены тутъ икона ангела покойнаго Цесаревича и икона дня его рожденія, которая поставлена и надъ его могилой; и это даръ той принцессы Дагмаръ, которая уже не носитъ этого имени, но которая подъ этимъ именемъ осталась по всей Россіи какой то поэтической народной легендой.

Внутренняя обстановка и отдѣлка церкви, къ прискорбію весьма неудовлетворительны, за неимѣніемъ средствъ она осталась какъ была при священникѣ приходскомъ, мало заботящемся о храмѣ и о приходѣ, какъ это видно на каждомъ шагу. Церковь смотритъ костеломъ какъ большая часть присоединенныхъ церквей здѣшняго края, между тѣмъ, какъ зимняя небольшая церковь около келлій, уже совершенно носитъ на себѣ характеръ русскихъ домовыхъ церквей. Средствъ не достаетъ обители и единственный

источникъ дохода, добровольный сборъ въ Петербургѣ, годъ отъ году оскудѣваетъ. Былобъ истинно доброе и богоугодное дѣло помочь этому монастырю, который такъ важенъ своею дѣятельностью и благимъ примѣромъ и своими неисчислимыми добрыми дѣлами, въ этой мѣстности гдѣ такое моральное противодѣйствіе недобрымъ началамъ должно быть высокоцѣнимо всей Россіей. Но кто у насъ на Святой Руси знаетъ, что дѣлается даже въ сосѣднемъ отъ себя уѣздѣ, а ужь подавно въ здѣшнихъ забытыхъ и отчужденныхъ, нашимъ же нерадѣніемъ, краяхъ! Выходя изъ церкви послѣ обѣдни, меня поразила своей красотою крошечная дѣвочка, непринадлежащая къ школѣ. Это одно изъ трехъ малыхъ дѣтей пріютившихся здѣсь на дняхъ съ матерью, молодою вдовою священника. Мужъ умеръ скоро послѣ ея родовъ, и его болѣзнь и смерть такъ подѣйствовали на ея разумъ, что на нее нашло худшаго качества безуміе: *Задумчивое совершенное молчаніе и равнодушіе ко всему и всѣмъ*. Сидитъ она въ раздумьи день и ночь, упорно молчитъ, не обращаетъ вниманія даже на дѣтей; машинально послушна и нѣма, она ѣстъ, пьетъ, ходитъ или ложится по *приказанію* окружающихъ, все съ тѣмъ же задумчивымъ тупѣющимъ взглядомъ, безъ выраженія, безъ словъ, безъ слезъ. Куда было ей дѣваться и ея дѣтей отдать? ра-

зумѣется опять въ Городищенскій монастырь, гдѣ съ любовію ухаживаютъ за ней и за дѣтьми. Прекрасно, утѣшительно, впечатлѣніе съ которымъ выѣхали мы изъ Городищенскаго монастыря, но самое прекрасное для меня было впечатлѣніе, оставленное самою матерью Василисой, игуменьей обители. Она была еще больна и слаба и не вставала съ узенькой крѣпкой кушетки,называемой постелью; разумѣется она и платья монашескаго не носила въ это время. Что за привлекательно доброе и милое существо, эта матушка игуменья, въ черномъ ватномъ шлафорѣ, повязанная чистымъ бѣлымъ платкомъ, съ безчисленными морщинами на миніатюрномъ лицѣ дышащемъ такою кроткою любовію и благодушіемъ, что вамъ и эти морщины и эта древность милы, и вы бъ не желали видѣть ее милѣе и красивѣй, да красивѣй и быть нельзя—потому что тутъ, на этомъ изможженномъ лицѣ, сіяетъ вся красота души ея, такъ и читаешь всю прекрасную повѣсть жизни, чистая какъ кристалъ, преданной съ юности одному Богу, а ужь въ Богѣ только, и для Бога, ближнимъ и страждущимъ братьямъ во Христѣ. Она напоминаетъ мнѣ вмѣстѣ и старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя и добраго Самарянина евангельской притчи. На ея лицѣ нѣтъ и слѣдовъ земныхъ страстей, онѣ не касались святыни этого чистѣйшаго сердца, и въ те-

ченіи сорока лѣтъ подвизалась она среди лишеній и трудовъ въ совершенномъ отреченіи отъ всего личнаго, отъ всего эгоистическаго съ любовію такою кроткою, теплою и великою, что только Богъ и необъятная семья всего человѣчества могли наполнить и удовлетворить ея душу.

Девятнатцати лѣтъ, изъ хорошаго, довольно богатаго семейства Орловской губерніи, она почти бѣжала изъ дома родительскаго отъ одной мысли о бракѣ и о свѣтской жазни. Съ малолѣтства ее тянуло въ даль, въ пустынныя мѣста, къ неясному мечтательному подвигу, ради Бога, въ молитвѣ и созерцаніи; тянуло къ Богу — къ Богу поближе, подальше отъ всякихъ мирскихъ узъ. Окруженная женихами, съ большимъ трудомъ выпросилась она у родителей на богомолье въ Кіевъ—оттуда писала къ нимъ, умоляя благословить ее на путь еще дальше, и оставивъ все за собою, ушла пѣшкомъ съ попавшейся ей страницей на Волынь, съ одной мыслію идти дальше, дальше, глубже, въ невѣдомый ей край, куда бы не доходилъ до нея шумъ житейскій, не сманили бъ назадъ къ мирской жизни воспоминанія и привязанности семейныя. Такъ, дошла она до Почаева (тогда еще уніатскаго монастыря), и эта зеленая пустыня, эти благословенные Матерь Божіею скалы такимъ казался ей раемъ, что не будь

обитель мужской, она бъ осталась въ ней на вѣки, во всемъ блаженствѣ несказанномъ, созерцанія, молитвы и покоя. По крайней мѣрѣ ей казалось такъ. Но Господь призывалъ ее къ совершенно другому, къ жизни дѣятельной хотя и въ женскомъ монастырѣ. Вступивши послушницею въ Корецкую обитель она черезъ нѣсколько времени тамъ постриглась и скоро окружила себя бѣдными дѣвочками— стала учить ихъ, завела школу, которой и отдала себя совершенно въ теченіи многихъ лѣтъ, пока ее не перевели игуменьей въ другой, бывшій уніатскій монастырь въ Полоннѣ. Монастырь маленькій, разваливающійся, привычки еще не установившіяся, остатки латынствующаго вліянія. Столько было заботъ, столько дѣла, что воспитатъ самой дѣвочекъ тутъ какъ въ Корецкѣ было невозможно, и она рѣшилась вызвать изъ Харькова племянницу, хотя временно въ помощницы; а тамъ перевели ихъ въ Городище и тутъ ужъ восемъ лѣтъ какъ неутомимая старица работаетъ Богу и ближнему, возстанавливая развалины, воспитывая дѣтей, призрѣвая убогихъ, успокоивая старость, нещадя ни силъ ни здоровья, всегда кроткая, добрая, тихая, привѣтливая и неутомимая.

Не могу выразить того отраднаго чувства, съ которымъ думаю объ Городищенскомъ монастырѣ, и

другаго такого монастыря мнѣ не случалось встрѣтить у насъ нигдѣ. Продли Господь вѣку матушкѣ Василисѣ! Ей 59 лѣтъ только, но она такъ изнурена своимъ долгимъ, труднымъ подвигомъ, что на видъ слишкомъ 80, а такимъ людямъ какъ она, казалось надобно бы вѣчно жить!

6-го Августа.

Сегодня ѣздила къ обѣдни въ Межирѣчи первый разъ, и святыя ворота, и ходъ изъ нихъ черезъ вымощенный плитами дворикъ, наконецъ 5 зеленыхъ куполовъ надъ выбѣленнымъ Соборомъ, все напоминаетъ родное, а въ Церквѣ всѣ эти алтари и алтарики и безобразный крошечный иконостасъ отчуждало бы, еслибъ не виднѣлась надъ нимъ древняя Православная Икона, въ старой серебряной ризѣ, Божіей Матери Чудотворный, времени Острожскихъ Князей—и пѣніе стройное, строго православное и молящаяся толпа народа съ вѣнками, снопами и плодами, ожидающая, чтобъ ихъ благословили, еслибъ все это, не успокоивало встревоженнаго вображенія, удовлетворяя все внутреннее молитвенное настроеніе вопреки дикости внѣшней обстановки. Много грустнаго и въ прошедшемъ и въ настоящемъ связано для меня съ Межирѣчемъ, а нынче и моя Марья Ивановна не была со мною, она уже нѣсколько дней больна, харкаетъ кровью и много тревожитъ меня. Но все-таки мнѣ лучше чувствуется здѣсь, среди простаго народа и съ такимъ замѣчательно дѣятельнымъ прямодушнымъ и хорошимъ Священ-

никомъ, какъ отецъ Константинъ Червинскій, нежели въ несчастномъ разваливающемся Соборѣ, съ его внутренней обстановкой; а къ ранней обѣдни я опоздала. Съ Червинскимъ я познакомилась еще два года назадъ когда онъ былъ Священникомъ въ селѣ Розважѣ, въ которомъ онъ завелъ школу, учитъ въ ней, перестроилъ Церковь и самъ выкрасилъ внутри, самъ точилъ колонки для кивотовъ въ ней, самъ вызолочивалъ, самъ собиралъ и доставалъ деньги на всѣ эти работы, и въ то же время занимался хлѣбопашествомъ, велъ прекрасно свое хозяйство, собиралъ и поручалъ бабамъ собирать лекарственныя травы и самъ лечилъ больныхъ. Вся его небольшая оживленная фигура и быстрый взглядъ и скорая походка и рѣзкость жестовъ и торопливость рѣчей, все исполнено дѣятельности, бодрости, жизни—онъ, какъ бы олицетвореніе американскаго *go a head* (впередъ) такъ рѣдко встрѣчаемаго между нами. Одного не дано ему или лучше сказать, ему *некогда* развить въ себѣ, это даръ слова. Все кипитъ у него трудомъ и здѣсь въ Межирѣчи, которое онъ передѣлываетъ и приспособляетъ къ нашему богослуженію, гдѣ онъ образовываетъ хоръ, учитъ пѣвчихъ, играя для нихъ голосъ на оставшемся органѣ, и занятъ осуществленіемъ прекраснаго плана *Ремесленной школы* для дѣтей причетниковъ, ремесленной школы

этой давнишней любимой мечты моей для здѣшняго края, гдѣ всѣ промыслы и всѣ ремесла въ рукахъ еврейскихъ. И онъ, и нашъ отецъ Игнатій равно примѣрные священники; но каждый въ совершенно другомъ родѣ. Отецъ Игнатій болѣе занимался преподаваніемъ,—умственною работою. Онъ прежде всего *Учитель* и симпатично вліяетъ на своихъ учениковъ. Отецъ Игнатій бодро-спокоенъ, какъ въ походкѣ такъ и въ дѣлѣ; не спѣшитъ, но и не отстаетъ. Отецъ Червинскій бодро-дѣятеленъ, вездѣ поспѣваетъ, все самъ дѣлаетъ и около него неутомимо идетъ работа. Сердце радуется глядя на обоихъ и утѣшительно видѣть добрыхъ пастырей въ нашей Церкви, особенно здѣсь.—Дай Богъ находить намъ побольше такихъ въ нашемъ околодкѣ, всѣ наши старанія и постройки какъ ни будутъ они возвышаться и выходить изъ этой неисчерпаемой груды мусора и камней, окружающихъ насъ своими барикадами, ни къ чему неповедутъ, если мы не успѣемъ окружить себя сѣтью и цѣпью живыхъ дѣятелей, нравственныхъ ревнителей, дружно распространяющихъ вліяніе русской мысли и русскихъ убѣжденій.

Привезли наконецъ мебель изъ Кіева;—молодой парень русскій Галичанинъ Пантелеймонъ Сѣкалюкъ на своихъ двухъ возахъ привезъ ее на 6-й день изъ Кіева. Тамошній отдѣлъ нашъ прямо съ извощикомъ условился и прямо на нашъ дворъ молодой извощикъ привезъ свой грузъ. —Вся Іудея наша взволновалась! Какъ скоро бѣлокурый, круглолицый парень съ своимъ работникомъ, не много старше его, сложили мебель съ возовъ, разпрягли коней своихъ и съ ними расположились на травкѣ подъ тѣнью густыхъ зеленыхъ липъ, черные долгополые сюртуки и черные кудрявые волосы показались со всѣхъ сторонъ, обсыпали лужайку и окружили Пантелея и его коней. Они стали разспрашивать его и удостовѣрились съ изумленіемъ что такой то протоіерей въ Кіевѣ, просто безъ посредничества жидовскаго, напялъ его, Пантелея, и что онъ русскій православный человѣкъ изъ Бродъ, также непосредственно, безъ еврейской помощи, безъ фактора, привезъ мебель. Такой *дурной* примѣръ смутилъ весь этотъ торговый людъ, наживающійся безпечностію, безпомощностію, и покорностію христіанъ всѣхъ вѣ-

роисповѣданій отказавшихся отъ собственной иниціативы въ пользу еврейскаго племени. Но вслѣдъ за негодованіемъ на такую новизну евреи сейчасъ же начали стараться поправить такую ошибку Кіевскаго протоіерея. Они сейчасъ же предложили нанять извозчика для перевозки своего товара куда-то и Пантелей съ большимъ равнодушіемъ согласился. Между тѣмъ, я вышла чтобы заплатить извозчику, Евреи разбѣжались, а нашъ молодой соотчичь съ тѣмъ же невозмутимымъ равнодушіемъ всталъ и спросилъ свой паспортъ. Мы стали разспрашивать его объ семействѣ, объ родинѣ, объ его впечатлѣніяхъ Кіевскихъ.—Мы привыкли (особенно послѣ всѣхъ рѣчей и тостовъ Майскихъ) встрѣчать или воображать сочувствіе и силу притяженія къ Русской Святынѣ въ нашихъ единовѣрцахъ. Но съ Пантелеемъ вышло не такъ, онъ хотя дружелюбно но холодно относился къ намъ, а объ Кіевѣ сказалъ что «*городъ не хорошъ—все въ гору*», а оно утомительно для лошадей—спросили мы о Львовѣ «О! Львовъ лепше Кіева!»

Ну, ужь какъ хочешь Пантелей, а не увѣришь меня что Львовъ лепше Кіева. «Лепше, отвѣчалъ онъ, все ровно». Въ Кіевѣ онъ былъ 5 разъ и не бывалъ въ Печерской Лаврѣ потому, что она на горѣ, а онъ всегда стоялъ на Подолѣ и не загляды-

валъ ни въ какую церковь. Лице Пантелея, добродушное и не лишенное того выраженія тонкой хитрости которое свойственно русскому человѣку, болѣе однако походитъ на Нѣмца фермера, чѣмъ на славянина, а не возмутимость выраженія лица напоминаетъ здѣшній народъ. Тутъ тогда стоялъ въ красной рубахѣ съ накинутымъ на плечо синимъ полукафтаномъ, работникъ изъ Великорусовъ. Онъ смотрѣлъ какъ то снисходительно съ видомъ покровительства на Пантелея и толковалъ ему смыслъ вопросовъ моихъ когда онъ воображалъ что тотъ не понимаетъ въ точности словъ. Опятьэта молодецкая осанка, это оживленное, самоувѣренное, нѣсколько плутоватое, но добродушно-веселое выраженіе лица поразили меня и обрадовали. Это племя рожденное для господства, это типъ народа събудущностію, инстинктивно увѣреннаго въ исполненіи великихъ судебъ своихъ, и спокойно выжидающаго времени. Не торопясь, не волнуясь, бодро и терпѣливо выноситъ онъ всѣ невзгоды, какъ умѣетъ выносить ихъ молодость и сила.

Но увы! въ тотъ же вечеръ, что за безобразіе смутило и огорчило насъ всѣхъ! Пьянство до чертиковъ, драка, стоны, крики, брань, униженіе до состоянія безсловесной твари, вотъ до чего *воскресный* день довелъ почти всю рабочую артель великорус-

скую! Неужели въ этомъ пьянствѣ и буйствѣ утопитъ себя и свое будущее нашъ славный великорусскій народъ?

27-го августа 1867 г.
Острогъ на Волыни.

Сегодня годовщина паденія Севастополя, и какъ живо и горько воспоминается намъ, старымъ людямъ, этотъ день! Бурный, холодный, сурово печальный, взошелъ онъ тогда надъ Невой, и къ полудню все громче ревѣли и рвались сердитыя волны со взморья, поднимая смятенныя воды рѣки вверхъ противъ теченія и заливая отлогій берегъ невскихъ острововъ. Пронзительный западный вѣтеръ срывалъ листья и вѣтки съ деревъ и бѣшено крутилъ пескомъ, носясь ураганомъ надъ узкой косою Елагина, съ какимъ-то отчаяннымъ воемъ и какъ будто урывистыми воплями и стонами. Казалось, почти человѣческимъ голосомъ, почти внятными словами сказывала намъ буря ожиданную но невыносимую вѣсть—вѣсть, къ которой мы готовились, но которой мы страшились и которую желали до конца отрицать. Въ умѣ и сердцѣ у насъ давно стонала и металась буря сомнѣній, надеждъ, печали и скорби великой, и этотъ бурный день—27-го августа 1855 года, эта борьба и бѣшенство

стихій были, такъ сказать, лишь громкимъ выраженіемъ сочувственной природы того, что крылось на душѣ и заѣдало сердце наше!—Не было телеграфа изъ Крыма до Николаева тогда; и весь этотъ день прошелъ въ мучительномъ ожиданіи вѣстей; узнали мы о событіяхъ на югѣ лишь на другой день.—Прошло 12 лѣтъ!—Много еще вытерпѣла и терпитъ Россія съ тѣхъ-поръ, но кровь, пролитая на югѣ, это море крови русской, такъ безропотно, такъ терпѣливо, такъ свято пролитой всѣмъ народомъ, всѣхъ слоевъ и званій общественныхъ, не осталось безполезной жертвой.—Общее отрезвленіе принесло свой плодъ, и хотя мы еще далеки отъ полной жатвы, все же много и много совершилось добраго, которое, можетъ быть, въ другихъ обстоятельствахъ, безъ такой подготовки и самъ Онъ,

Въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца пріявшій тяготу

въ тѣ дни, не могъ бы со всевозможнымъ христіанскимъ благодушіемъ, и терпѣливой твердостію свершить такъ благополучно; одни благодѣянія, даже самыя великія, не связываютъ народа такой любовію съ Царемъ своимъ какъ вмѣстѣ претерпѣнное горе! а какъ велика и крѣпка эта любовь, мы видимъ на каждомъ шагу, даже здѣсь, гдѣ народъ такъ мало выказываетъ свои чувства, и въ этомъ

крѣпкомъ союзѣ любви на какіе подвиги не способна земля наша, на какое добро не благословитъ ее Господь?

Съ такими мыслями и воспоминаніями, молились мы нынче, въ нашей убогой Пятницкой Церкви за обѣдней и панихидой по Севастопольскимъ героямъ, по Адмираламъ и Князѣ Горчаковѣ и всѣмъ сподвижникамъ ихъ—и невыразимо трогательно звучали богодухновенныя заупокойныя молитвы Церкви, въ устахъ маленькихъ учениць нашего Братства, пропѣвшихъ всю обѣдню и панихиду. Эти беззаботныя лица, эти свѣжіе тонкіе голоса дѣтей, не понимающихъ еще ни горя, ни смерти, молящихся о горестныхъ и грѣшныхъ, — о плачущихъ, и о тѣхъ, которые уже тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзни, ни печали, но жизнь безконечная, это моленіе новаго поколѣнія за прошлое такъ утѣшительно, такъ успокоительно отзывались въ сердцахъ нашихъ, столь глубоко и неизцѣлимо пораженныхъ!

Какого утѣшенія лишаютъ себя, или лишены своимъ воспитаніемъ тѣ, которые не вѣруютъ въ ученіе Церкви православной!

Въ нашемъ братствѣ этотъ день будетъ по уставу посвященъ заупокойнымъ молитвамъ по севастопольцамъ, а каждую субботу (кромѣ праздничныхъ дней) будетъ заупокойная обѣдня о Великомъ Князѣ

Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, о графѣ Дмитріѣ Николаевичѣ Блудовѣ, о князьяхъ Острожскихъ и о всѣхъ умершихъ братчикахъ, занесенныхъ въ нашъ синодикъ.—Церковь братская хотя *снаружи* не будетъ скоро кончена, но *внутри* приводится къ окончанію, такъ-что надѣемся вскорѣ освятить ее. Боковаго придѣла св. Пантелеймона, какъ предполагали мы, нельзя будетъ такъ скоро освятить, по задержкѣ насчетъ иконостаса, и потому братство приняло мѣры, чтобы *временно* отдѣлать главный придѣлъ св. Кирилла и Меѳодія, посредствомъ походнаго иконостаса, который ожидаетъ на-дняхъ.—Преосвященный Агаѳангелъ, владыко волынскій, милостиво благословилъ насъ на временное устройство храма, находя, что молитва и богослуженіе въ церкви, даже самой простой и неукрашенной, главное основаніе для успѣха братства въ своихъ посильныхъ стараніяхъ о воспитаніи дѣвицъ и поддержкѣ русскихъ людей въ здѣшнемъ запущенномъ, заглохшемъ краѣ.—Теперь уже перекрываютъ крышу церкви, которая принимаетъ видъ болѣе русскій съ своей шатровой крышей, на которой скоро взведется главка, и съ своей колокольней надъ воротами при въѣздѣ на церковный дворъ. Внутри настилаютъ полъ новыми плитами и бѣлятъ стѣны, которыя *покуда* останутся

неукрашенными. Недостатокъ во времени, недостатокъ въ мѣстномъ художникѣ и болѣе всего недостатокъ средствъ заставляетъ отложить до болѣе благопріятнаго времени стѣнную живопись. Домъ для помѣщенія причта нанятъ братствомъ на 7 лѣтъ, по 80 руб. въ годъ. Онъ выстроенъ на братской землѣ, и черезъ 7 лѣтъ выходитъ срокъ пользованія землей хозяина дома; потому-то и особенно по близости (домъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ ограды) выбранъ этотъ домъ для причта, но онъ требуетъ починокъ, къ которымъ уже приступили. Флигель для лечебницы конченъ съ мѣсяцъ назадъ, но лѣто было такое дождливое и ненастное, что стѣны недовольно просохли еще для жилья.

неукрашенными. Недостатокъ во времени, недостатокъ въ мѣстномъ художникѣ и болѣе всего недостатокъ средствъ заставляетъ отложить до болѣе благопріятнаго времени отдѣлку живописью. Домъ для помѣщенія пріюта нанятъ братствомъ на 7 лѣтъ, по 250 руб. въ годъ. Онъ [illegible]

[illegible]

5-го Сентября 1867 г.

въ Полѣсьѣ и до Новгорода Волынскаго.

Я была очень нездорова, а съ 1-го Сентября не было мѣста въ Братскомъ зданіи для меня, такъ какъ привезли нашихъ живущихъ пансіонерокъ и начались классы, а церковный домъ, въ которомъ полагала помѣститься, еще слишкомъ сыръ.—И такъ я уѣхала къ нашей любезной и усердной Братчицѣ Аннѣ Сергѣевнѣ У. покочевать нѣсколько дней у нея, потомъ въ Корецкомъ монастырѣ, потомъ у одного нашего сосѣда и пріятеля около Ровна, потомъ въ Дерманскій монастырь, до того времени, когда можно будетъ освятить нашу церковь, а у насъ теперь задержка по недостатку плитъ на полъ церковный.—О Полѣсьѣ послѣ буду писать, а теперь только упомяну о посѣщеніи Острога Генералъ-Губернаторомъ. Утромъ онъ осматривалъ наши постройки и хотя не все такъ хорошо какъ могло бы и должно бы быть, однако нашелъ большой успѣхъ съ прошлаго года. Вечеромъ онъ у насъ чай пилъ и такъ какъ наши великорусскіе работники (коцапы по здѣшнему) прокричали ему ура, онъ сошелъ къ нимъ на нашъ дворикъ и сказалъ имъ нѣсколько

словъ о томъ, что они не просто работаютъ на заработокъ, но вмѣстѣ и работаютъ для Царя и Россіи, строя Церковь и домъ гдѣ по завѣщанію отца моего я буду собирать Русскихъ для молитвы и ученія, чтобъ укрѣпить Русскихъ въ вѣрѣ и вѣрности.— Три раза еще прокричали ура Генералъ-Губернатору, а потомъ выпивъ чарочку запѣли наши, дорогія сердцу, пѣсни Русскія и любезные звуки долго раздавались въ свѣтлой лунной ночи, свѣтлой и яркой, какъ любой Петербургскій свѣтлый морозный день. — Съ Генераломъ Безакомъ былъ въ Острогѣ нашъ Кіевскій Братчикъ В. Съ нимъ имѣла я длинный разговоръ о нашихъ дѣлахъ. Онъ рѣшительно совѣтуетъ употребить наши % бумаги на покупку земли, во первыхъ какъ гораздо вѣрнѣйшее или даже единственно вѣрное средство не уменьшать дохода съ капитала, и какъ средство вліянія въ здѣшнемъ краю, гдѣ смотрятъ на землевладѣніе и землевладѣльцевъ съ особеннымъ почтеніемъ. И такъ буду отыскивать средства употребить на землю 2.500 руб., изъ собранныхъ на Царскую воспитанницу и другія ожидаемыя въ концѣ года деньги. Между тѣмъ я, по совѣту В, сама хочу пріобрѣсть на свое имя маленькую казенную ферму подъ самымъ городомъ. —Аренда съ *нея* можетъ хоть отчасти обезпечить мнѣ самой годовой

взносъ мой въ училище, когда прекратятся съ моей арендой и мои средства къ выдачѣ 500-тъ руб. въ годъ на училище, а съ этой земельки можно будетъ овесъ и сѣно выговорить на 2 коровы и 2 лошади для Братскихъ нуждъ. У. и теперь предлагаетъ мнѣ пару лошадей, но намъ не по силѣ ихъ кормить. Много мы толковали съ В. и о здѣшнемъ краѣ и о запутанности здѣшнихъ отношеній и о колебаніяхъ Петербургскихъ, которыя грустно отзываются здѣсь и о странностяхъ русскихъ людей, которые смотрятъ недовѣрчиво или даже непріязненно на римскихъ католиковъ, присоединяющихся къ нашей церкви, между тѣмъ какъ относятся весьма дружелюбно къ тѣмъ, которые ненавидятъ насъ и православіе. Есть въ здѣшнемъ околодкѣ любопытный фактъ. Одинъ богатый помѣщикъ, женатый на Русской, котораго и дѣти православные, перешелъ самъ въ православіе, но тайно, чтобы Русскіе не закидали его упреками, тайно даже отъ жены, которая, не подозрѣвая его обращенія, продолжаетъ говорить во всеуслышаніе (и при немъ), что она презираетъ человѣка, который принимаетъ православіе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Что за мудреный характеръ Русскихъ въ высшихъ слояхъ общества? Что за трудное положеніе поселяющихся здѣсь Русихъ, изъ нашихъ

московскихъ странъ, что за трудное положеніе и туземцевъ съ ополяченными предками, которыхъ тянетъ назадъ къ своему родному—народному и церковному началу? Не даромъ церковь наша въ молитвахъ, читаемыхъ здѣсь въ различныхъ случаяхъ по кіевскимъ книгамъ, молится «о возвращеніи отпавшихъ отъ вѣры отцовской» и молится на эктеніи именно поминая всѣхъ страждущихъ и въ нуждѣ и скорби сущихъ! Вотъ нравственное положеніе края, въ которомъ начинаемъ мы борьбу. Помоги Богъ внукамъ нашимъ, если не намъ самимъ, распутать эту путаницу. Такъ грустно размышляла я, подъѣзжая къ усадьбѣ одной русской помѣщицы въ Полѣсьѣ. Между тѣмъ мѣстность измѣнялась, становилась плоскою, обросшею лѣсомъ и съ растительностью уже сѣверною: береза, сосна и ель замѣняютъ бересть, грабь и липу. Дубы еще показывались между заросью. Типъ народа тоже измѣнялся: бѣлокурые волосы дѣтей, тонкія черты и худощавый видъ взрослыхъ приближаютъ ихъ къ бѣлорусскому типу. Наконецъ выѣхала я на открытую равнину, на безконечную широту пашни, и мимо выстроенной въ два ряда *улицей* деревни, съ выбѣленными хатами и палисадниками передъ ними, соединеніе великорусскихъ съ малороссійскими удобствами. Все это было не что иное, какъ болота и лѣсная

глушь нѣсколько лѣтъ назадъ. Сама господская усадьба, помѣстительная, хотя скромная, безъ всякой роскоши, но со всѣми удобствами русской деревенской жизни, съ книгами въ шкапахъ, на этажеркахъ, на различныхъ, по всѣмъ угламъ приспособленныхъ, полкахъ; угощеніе радушное съ фруктами, вареньями, соленьями и вкуснымъ сытнымъ столомъ и кипящимъ самоваромъ, и этотъ гостепріимный, сердечный пріемъ—все здѣсь русское, все родное, и чувствуешь себя какъ будто дома съ перваго дня. Вечеромъ былъ народный праздникъ, *балъ*, и здѣсь онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ этому названію, въ смыслѣ, который обыкновенно придается ему. Есть оркестръ: 2 скрипки, віолончель и *цимбалы,* большая лежачая лира (zither), которая напомнила мнѣ гусли моего дѣтства,—гусли, которыхъ уже болѣе теперь не видать у насъ на сѣверѣ. Пляска, или *танчекъ*, здѣсь живой, веселый, увлекательный казачекъ, мятелица и *полька,* настоящая, какъ есть, полька и такъ хорошо исполнена, что хоть сейчасъ нарядить на балъ крестьянокъ; онѣ бы вышли лучше многихъ тщательно учившихся въ гостиныхъ и классныхъ комнатахъ. Но пѣніе весьма плохо. Дѣвушки поютъ все на одинъ протяжный *речитативъ* въ родѣ *Лазаря,* а у мужчинъ, какъ они сами увѣряютъ, совсѣмъ нѣтъ пѣсней. За

то они дружнымъ хоромъ пропѣли намъ пѣсни солдатскія про батюшку Государя, да про донскихъ казаковъ, которые дескать «ай люли, ай люли, Польшу выгнали и народъ спасли». И вотъ какъ она, удалая пѣсня русская, идетъ себѣ, разстилаясь какъ вечерняя роса на поляхъ Россіи и всюду учитъ она единству языка и единству государства; вотъ она звучитъ изъ края въ край, сладкозвучная, громкая, мирная пропаганда *москаля-солдата;* ея не слышатъ враги наши, но съ любовію ею заслушиваемся мы, заѣзжіе Великоруссы, заслушиваемся съ радостію на осушенныхъ болотахъ Полѣсья, осушенныхъ трудомъ, энергіей и терпѣніемъ русской женщины, умной, образованной, красивой, переселившейся сюда изъ Москвы и превратившей безплодныя заросли и гнилыя, лихорадочныя болота въ плодородныя, необозримыя поля и широкія пастбища. Тутъ приложены были труды и дѣятельность въ родѣ поселенцевъ въ Америкѣ или Австраліи, и вмѣстѣ съ очищеніемъ воздуха, съ изгнаніемъ лихорадки, здѣсь виденъ и нравственный подъемъ народа и развитіе его самосознанія. Сердце радуется глядя на благословенные плоды честныхъ и терпѣливыхъ усилій, глядя на все, до чего можетъ достигнуть крѣпкая воля одного человѣка!

10-го Сентября 1867 г.

Острогъ.

Воротилась я сюда на новоселье переночевать въ церковномъ домѣ, а завтра опять въ путь въ Миклаши. Утромъ, въ чудно-теплую, ясную погоду ѣздили мы по живописной мѣстности four in hand въ открытой коляскѣ, по лѣтнему одѣтые, за 6 верстъ отъ Октавина, въ село Тайкуры, въ тамошній костелъ. Мѣстоположеніе прекрасное—высокіе холмы, богатая растительность, на горѣ развалины древняго замка,—на скатѣ ея бѣлые домики, крытые соломой и въ палисадникахъ какіе то овощи, которые вдали совершенно походятъ на виноградники, а въ глубокой балкѣ между ними высится острая крыша бѣлаго полуготическаго костела съ оградой и домикомъ для ксендза. —Костелъ и съ наружи и внутри отдѣланъ въ строгомъ изящномъ вкусѣ съ большими во весь ростъ портретами фундаторовъ, съ хорошимъ органомъ баварской работы, исполненной на мѣстѣ. У ксендза все чисто, и опрятно, и холодно, и самъ ксендзъ красивый и представительный мужчина среднихъ лѣтъ, съ видомъ достоинства и грусти, какихъ здѣсь да и въ Польшѣ я не встрѣчала, а со-

вершенно австрійскій или французскій капеланъ и духовникъ богатаго аристократическаго дома. Все хорошо, все живописно, все располагаетъ къ размышленію и молитвѣ, но здѣсь ничего не умиротворяетъ; все ложилось для меня, покрайней мѣрѣ, тяжелымъ камнемъ на душу.—Свыклась я съ дѣтства жить между инославными людьми, даже въ самомъ семействѣ. Слова Спасителя: «Въ Дому Отца Моего обители многи сутъ,» всегда были для меня удостовѣреніемъ, что во всѣхъ церквахъ *христіанскихъ* спастись можно — а къ Римско католической религіи я привыкла, и за неимѣніемъ Православной церкви въ чужихъ краяхъ, очень часто ходила въ костелъ. Въ здѣшнемъ же краѣ такая путаница, костелы передѣланы изъ Православныхъ церквей, Православныя церкви изъ костеловъ, что по наружности ничто не отдѣляетъ слишкомъ рѣзко два вѣроисповѣданія, какъ они въ сущности ни борятся между собою. Но вся картина Тайкуръ до того иностранна, и костелъ, выстроенный въ 18-мъ вѣкѣ, уже во время полнаго разрыва магнатовъ съ народомъ—и ксендзъ образованный, искренній фанатикъ, едва умѣющій говорить по русски; все, все чуждо, хотя все по своему хорошо, все такъ чуждо, такъ далеко, такъ враждебно, что такъ и обдаетъ васъ холодомъ, и въ васъ ясно, неотразимо, неумо-

лимо, врѣзывается убѣжденіе, что вотъ оно, вотъ начало розни и разрыва между братьями, что эти *обители* въ дому Отца Небеснаго такъ далеки одна отъ другой, что пока мы привязаны плотію и кровію къ землѣ, намъ сойтись невозможно; что не *вѣра*, а духъ церквей нашихъ, слишкомъ различенъ, чтобъ быть человѣку вполнѣ русскимъ и покоряться этому началу, чтобъ возможно было искренно разорвать узы съ Польшей, и не присоединиться къ церкви Русской.

Такъ больно ясно стало мнѣ, что латинствующему русскому здѣшняго края должно казаться дома въ Швабіи или Баваріи гораздо больше, чѣмъ гдѣбы ни было на Руси! Все это чуждое и иностранное въ Тайкурахъ тяжело тѣснило мнѣ душу, какъ *со мной бываетъ въ чужихъ краяхъ*, и только два предмета напомнили мнѣ, что мы въ Россіи. Это: стариннаго письма Икона Божіей Матери Православной Ченстоховской, въ старомъ *нашемъ* чеканномъ окладѣ, и въ склепѣ, подъ костеломъ, гробъ бывшаго здѣшняго помѣщика, любимаго и уважаемаго понынѣ въ краѣ, и который за нѣсколько времени предъ смертію просилъ одного русскаго друга своего, заступить его мѣсто у молодаго сына его, и удержать его въ русской средѣ, чтобы не давать ему подпасть подъ фанатическое вліяніе здѣшнее. Да упокоитъ Господь душу

отшедшую, и Матерь Божія, Которой икона свидѣтельствуетъ о древнемъ единствѣ племени и обрядовъ, Матерь Божія «*отъ вражды единокровныхъ миромъ и любовію ограждающая,*» да умиритъ нашъ бѣдный край, и да приведетъ насъ къ блаженному единству въ отцовской вѣрѣ и любви къ Россіи.

9-го Октября.

Случалось ли вамъ ѣхать въ дальній трудный путь, во всю длину матушки святой Руси, по всѣмъ варіантамъ дурныхъ дорогъ, ухабистыхъ проселковъ, провалившихся шоссе и объѣздовъ по черноземнымъ пашнямъ? Случалось ли вамъ теряться въ бѣломъ хаосѣ зимней мятели, блуждать по безпредѣльной снѣжной степи, проваливаться въ зажоры, тонуть въ грязи, вязнуть въ полузамерзшей глинѣ?— И наконецъ когда кажется, что и ваши силы и силы вашихъ коней истощились, что вы недотащитесь живыми до конца пути, вы поднимаетесь на гору и вдругъ, на ясномъ голубомъ небѣ, заблестѣлъ золотой крестъ, другой, третій, сотни крестовъ и куполовъ, и вся золотоглавая, бѣлокаменная Москва выростаетъ передъ вами и яркіе лучи солнца искрятся на снѣжныхъ холмахъ, и долетаетъ до васъ, все внятнѣй и внятнѣй, гармоническій гулъ колоколовъ; и вотъ вы доѣхали, и молитесь у Иверской и перекрестясь входите опять въ свою давно покинутую комнату, и вы дома наконецъ, и глубоко вздохнувъ успокоились и отдыхаете въ радостномъ чувствѣ оконченнаго труда и достигнутой цѣли.

Завтра, конечно, опять и трудъ и тревога и заботы появятся—но нынче вы и недумаете о нихъ и крѣпко засыпаете сладкимъ сномъ. Вотъ мое чувство вчерашнее — сегодняшнее—и дастъ Богъ еще на много дней. Церковь наша, первая приличная здѣсь, похожая на русскій храмъ, освящена 8-го числа. Наканунѣ мы работали до упада, оканчивали, надѣвали, перешивали, примѣряли, прикрѣпляли одѣяніе на престолъ, на аналои, перекидывали на нихъ пелены и покровы—словомъ, суетились радостно около алтаря, почти какъ наряжая невѣсту подъ вѣнецъ. И въ самомъ дѣлѣ освященіе церкви не есть ли обрядъ вѣнчанія ея съ небеснымъ женихомъ, видимый вещественный символъ торжественнаго союза церкви, собраніе всѣхъ христіанъ, съ искупителемъ ихъ Іисусомъ? И кажется въ такой день ощутительнѣе и крѣпче становится связь торжествующей церкви на небѣ съ воинствующею на землѣ и преемство церкви новаго завѣта отъ церкви ветхозавѣтной. Какая великолѣпная картина духовной жизни человѣчества открывается передъ нами въ этомъ пѣніи псалмовъ Давида во храмѣ посвящаемомъ Св. Кириллу и Меѳодію!—Какое глубокое и нѣжное чувство пробуждается въ душѣ—чувство необъятное общаго братства всѣхъ народовъ, всего человѣчества, и чувство болѣе тѣснаго братства всѣхъ

единоплеменныхъ намъ народовъ и наконецъ невыразимая любовь къ великому семейству русскому, къ этимъ роднымъ, кровнымъ, милымъ братьямъ и къ ихъ главѣ и отцу, царю православному, такъ тѣсно и неразрывно связанныхъ между собою и вѣрою одною и одною исторіей борьбы, страданій и побѣды! Да, побѣды! потому что не изсякъ же въ насъ источникъ вѣры, не задушенъ духъ жизни нравственной, не окаменѣло сердце, не замолкла жалость къ ближнимъ, даже къ врагамъ; потому что не обуяла насъ гордость до конца, и что русскій человѣкъ со всѣми своими недостатками, слабостями, пороками, злодѣяніями, все-таки остался *человѣкомъ* и не умѣетъ презирать и топтать въ грязь все остальное человѣчество, въ угоду своему собственному высокомѣрію, личному или народному. Божественныя слова Спасителя о грѣшницѣ, конечно повторяются на небѣ и о Россіи «отпущаются ей грѣси ея мнози, яко возлюби много». И здѣсь среди свѣжихъ слѣдовъ насилія, гнета и безчеловѣчья, столько столѣтій тяготѣвшихъ на всемъ русскомъ, какъ благодатно является это мягкосердіе русское, эта жалость и забвеніе обидъ, какъ скоро обижающій впалъ въ несчастіе и бѣдность. Ужь не здѣсь ли церковь римская безжалостно мучила и попирала ногами хлопскую и псину вѣру и ея послѣдователей, однако на дняхъ

нашелся русскій солдатъ для сбора по книгѣ на исправленіе обветшалаго костела, и собираетъ онъ у русскихъ и подаютъ ему русскіе. «По своему молятся, говорилъ онъ мнѣ, а Богъ одинъ и царь одинъ».

Ахъ! любезный сказала ему я, грѣшная; Богъ одинъ, а царь полно одинъ ли для нихъ какъ для насъ?

«Упаси Господи! восликнулъ онъ перекрестяся— какъ же царь не одинъ у нихъ?»

Онъ былъ такъ наивно озадаченъ и опечаленъ этой мыслію, что мнѣ стало жаль, что я такъ искренно высказала свое сомнѣніе. Пускай бы лучше пошли нѣсколько рублей на офіару ржонду. Я вспомнила Гуса и подумала Sancta Simplicitas!

Наконецъ мы все устроили какъ можно было съ нашими скудными средствами и затрудненіями по доставленію церковныхъ вещей.

Благодаря усердію братчика нашего Климова, изъ Петербурга была нами получена почти вся утварь отчасти отъ него самаго, отчасти отъ моихъ двухъ братьевъ, остальное сборомъ. Вещи очень хорошія, которыя приводили мѣстныхъ братчиковъ въ восторгъ. Но ризница у насъ почти не существуетъ; это то была наша главная забота; *шнура шелковаго* для престола, даже такую простую вещь нельзя бы-

ло найти; принялась телеграфировать въ Петербургъ, и только седьмаго числа наканунѣ освященія его получили. Получили также наканунѣ по почтѣ посылку изъ Москвы—Евангеліе, заказанное еще весною и сосуды, пожертвованные братчикомъ Андреемъ Михайловичемъ Посниковымъ его работы, такіе прелестные, что я просто заглядывалась на нихъ и нетолько въ Острогѣ, но въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, они бъ составили драгоцѣнность. Изящность и простота рисунка, изящность отдѣлки, полновѣсность и прочность позолоты и особливо изящность формы восхитительны. Можно смѣло сказать, что Сазиковъ никогда не дѣлалъ ничего лучше этой чаши. Посникова работы у насъ двѣ иконы на аналой Св. Кириллы и Меѳодія и Св. Пантелеймона цѣлителя, замѣчательной отдѣлки и прекрасныя металлическія хоругви.—Церковная утварь, наше единственное богатство, ибо сама церковь совершенно неукрашена, даже не расписана, и только аналои съ образами, и походный иконостасъ красивый, но въ сравненіи съ церковію такой низенькій и маленькій, что точно ширмы украшаютъ церковь, да большіе подсвѣчники съ множествомъ зажженныхъ свѣчь придаютъ праздничный видъ храму. Колокола у насъ временные изъ Межирѣча взятые въ займы, небольшіе, но звучные, и когда ударили въ первый разъ въ коло-

колъ ко всенощной всѣ мы каждый въ своемъ углу невольно перекрестились и съ радостію сказали: слава Богу! Звонъ продолжался довольно долго и я должна признаться въ своемъ ребячествѣ. Я нѣсколько разъ входила и выходила изъ пустой еще церкви, чтобъ послушать звонъ и чтобъ посмотрѣть изъ дали, со двора, въ открытую дверь, на горящія свѣчи и на освѣщенный ими иконостасъ. Это ужь наша, ужь православная, русская церковь и среди молчанія и темноты осенняго вечера, это мерцаніе огней и неясные образа иконостаса, такъ родственно, такъ мило, такъ священно являлись моимъ глазамъ и такою тихою радостію обливалось сердце!

Викарный Епископъ и сосѣдъ нашъ по Дерманской пустыни, преосвященный Ерѳей, почтенный, умный, живой, 80-ти-лѣтній старецъ, по нездоровью не могъ пріѣхать на освященіе нашей церкви, и вмѣсто себя прислалъ живущаго въ пустынѣ старика протоіерея, самаго симпатичнаго, опытнаго какъ говоритъ Владыко, въ этомъ дѣлѣ старца, небольшаго роста, худощаваго съ длинными сѣдыми волосами, съ тихими, ясными глазами, такой опрятный, бѣлый, съ такимъ свѣжимъ румянцемъ, что мы его съ перваго взгляда прозвали *розовымъ старцемъ*. Я такъ его имени и не узнала. Началась всенощная и церковь все болѣе и болѣе наполнялась народомъ.

Пришло много изъ окрестныхъ простолюдинъ, всѣ Братчики и всѣ христіанскіе жители Острога—Православные и Римско-Католики. Наша здѣшняя прислуга вся знаетъ попольски;—вотъ между прочимъ что слышали—Двѣ старушки Польки стояли въ церкви «Боже мой! сказала одна, какъ вспомнишь какое это было здѣсь богатство и великолѣпіе! а теперь какъ бѣдно и голо все это!»

«Да, отвѣчала другая—конечно такъ—но все же здѣсь опять храмъ, и нѣтъ уже всего этаго запустенія и мерзости, которые тутъ были столько лѣтъ. Конечно молитвами нашихъ Святыхъ отцевъ капуцыновъ Богъ далъ воздвигнуть вновь этотъ храмъ!»

«Вѣрно святыми молитвами ихъ, замѣтила первая, но какъ же мы тяжко согрѣшили, что не намъ Богъ далъ возобновить ихъ церковъ а Русскимъ.» Разсказъ про этотъ разговоръ порадовалъ меня—женщины обыкновенно здѣсь самыя рьяныя фанатички и такого христіанскаго воззрѣнія на наше дѣло я не ожидала. Дай Богъ, чтобъ по больше такъ думали и Поляки, и Русскіе, но не такъ смотритъ на насъ мой пріятель здѣшній ксендзъ. Дня три четыре назадъ праздновали годовщину освященія здѣшняго костела въ Латинскую изъ Православной (Пречистенской) церкви. Святой отецъ настоятель воспользо-

вался этимъ случаемъ, чтобы сказать проповѣдь о бѣдствіи временъ, о томъ что незнаетъ сколько времени дано будетъ правовѣрнымъ Католикамъ собираться въ этомъ молитвенномъ домѣ, который можетъ быть отберутъ....... Видимъ какъ профанируютъ нашу Святыню въ нашихъ глазахъ и что изъ нея дѣлаютъ....... Намекъ ясный хотя недоброжелательный. Нетакова, не въ такомъ духѣ была, слава Богу, рѣчь нашего Отца Игнатія и послѣ нея мы могли со спокойной совѣстью слушать и повторять, за хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ и нашихъ дѣвочекъ! Видѣхомъ свѣтъ истины, обрѣтохомъ вѣру истинную,—тотъ свѣтъ и та вѣра которымъ училъ Спаситель и которую проповѣдуя, любимый ученикъ его сказалъ:

Богъ любы есть.

Послѣ Литургіи былъ еще отслуженъ соборне молебенъ Св. Кириллу и Меѳодію; наши дѣвочки уже твердо заучившія эту службу пѣли какъ на литургіи поочередно съ пѣвчими, а по окончаніи молебна оба хора вмѣстѣ пропѣли торжественно Многія лѣта Государю и всей Царской Фамиліи, потомъ Архіерею и Викарію; а за тѣмъ послѣдовало глубоко-трогательная, покрайней мѣрѣ, для меня минута. Провозгласили *Вѣчную память*.

(*) Императору Николаю I-му.
(*) Великому Князю Николаю Александровичу.
(***) Гр. Дмитрію Николаевичу Блудову;
(****) и Князьямъ Константину, Василью и Константину Острожскихъ.

Князей Острожскихъ и даже Императора Николая нынѣшнее поколѣніе (въ народѣ) уже не помнитъ — но Отца моего они всѣ знаютъ поимени и какъ говорилъ простой народъ въ Петербургѣ въ день его смерти такъ и здѣсь называютъ его *своимъ попечителемъ*, потому что его имя подписано на крестьянскомъ *Положеніи*. Здѣсь они воображали, что онъ еще живъ, и молились до сихъ поръ, какъ я узнала, *за его здоровье*.

Великій Князь Николай Александровичъ здѣсь никогда небывалъ, неуспѣлъ выступить на политическую арену, однако и въ здѣшнихъ мѣстахъ его образъ остался любимою мечтою, поэтическимъ идеаломъ у всѣхъ. Какъ Маркелъ у Виргилія эта молодая тѣнь вызываетъ и нынѣ слезы любви и печали. Одна Мать потеряла любимую маленькую

(*) Возвратившему край Православію.
(**) Въ память коего основана лечебница.
(***) Въ чью память основано Училище.
(****) Первымъ основателямъ Церкви и Училища здѣсь.

дочку пятилѣтняго ребенка и какъ Рахиль плачущася, не хотяше утѣшитися. Она начинала сама чахнуть оставляла и домъ и семью въ пренебреженіи и ни чемъ не могли ее развлечь, наконецъ вздремнула она въ одну ночь и во снѣ показался ей Великій Князь Николай Александровичъ (котораго она невидывала иначе какъ на портретѣ; онъ явился въ небесной красотѣ и благости, съ тихимъ упрекомъ и увѣщаніемъ, и она до тѣхъ поръ глухая ко всѣмъ убѣжденіямъ и просьбамъ, покорилась этому тихому голосу взывающему къ ней, плачущей матери, изъ за могилы, надъ которой его мать умѣла смириться и покориться своему тяжкому испытанію. Какъ истолковать, какъ объяснить эту таинственную связь между душами удаленныхъ всѣми возможными препятствіями и различіями положенія мыслей, привычекъ и мѣста на земли, и вдругъ сроднившихся такъ близко когда смерть положила еще послѣднюю преграду могилы, между двумя мірами, въ которыхъ они находятся? На другой день послѣ освященія церкви была торжественная заупокойная литургія съ панихидой и на эктеніи помянули тоже нашего перваго церковнаго старосту Григоріева и нашу первую надзирательницу школки Надежду Александровну Гаджяцкую и всѣхъ уже отшедшихъ отъ насъ братьевъ.

---

12 Октября
Острогъ.

8-го Октября послѣ освѣщенія церкви разумѣется по русскому обычаю была трапеза для всѣхъ присутствовавшихъ и—на дворѣ и въ цвѣтникѣ (будущемъ) и на выгонѣ и въ обоихъ этажахъ дома нашего—тутъ были офиціальныя лица города латыняне и русскіе и Мировые Посредники и военная команда и работники наши и нищіе и перехожіе и духовенство и учителя и Волостные Старшины и наши подрядчики. — Братчики и Братчицы угощали.

Мы садились то за одинъ, то за другой столъ чтобы по возможности со всѣми побесѣдовать и всѣхъ угощать. Мировыя Учрежденія я помѣстила въ нашей пріемной музыкальной залѣ, т. е. Мировыхъ Посредниковъ, Волостныхъ Старшинъ и туда же Кирилла.

Тутъ у насъ портретъ Государя весьма пріятнаго сходства, не дурно написанный масленными красками. Когда всѣ собрались и подали вино къ закускѣ я показала портретъ Старшинамъ и сказала имъ—Самаго Царя нѣтъ съ нами здѣсь, а я Ему

писала, что у насъ освященіе церкви и Онъ вѣрно подумаетъ о нашей радости.—Мы Ему и одолжены всѣмъ. Онъ вѣдь намъ и зданіе далъ и деньги на постройку. Этотъ портретъ очень похожъ; вотъ Онъ какъ ласково глядитъ. «Всѣ посмотрѣли пристально на портретъ— и вдругъ такъ дружно грянули ура, что я вздрогнула. Это было такое сердечное не подготовленное ура.—И пошли старшины говорить мнѣ про Царя и про то «*какъ*» имъ хорошо! такъ хорошо что грѣшно былобъ и желать лучшаго. И какъ было тяжело прежде и какъ теперь Царь ихъ устроилъ хорошо—и какъ же имъ Бога и Царя довольно благодарить».

Такъ разговаривая сидѣли мы за столомъ и я подумала: па какомъ офиціальномъ банкетѣ можно краснорѣчивѣе высказать и всю любовъ народную къ Государю и все необъятное значеніе великихъ дѣлъ совершенныхъ Имъ,—и благодатную историческую минуту, которую мы переживаемъ,—и которой всю благодать мы непонимаемъ среди вседневныхъ заботъ и стѣсненныхъ обстоятельствъ, необходимыхъ послѣдствій огромнаго переворота!—

Какъ сердце переполнялось нѣжной любовію къ Тому кто такъ терпѣливо, такъ твердо превозмогъ всѣ препятствія и освободилъ и поднялъ духъ народа по всей необъятной Россіи и *воскресилъ* Россію,

здѣсь, въ Западномъ краѣ отъ двойной смерти рабства и иноземнаго гнета.

Такія простыя слова, такія простыя молитвы конечно ограждаютъ Его отъ зла и вызываютъ легіоны Ангеловъ въ Его защиту «да наступитъ Онъ на змію и на скорпію и на всю вражію силу и ничесо же Ему вредить».

И тогда же вспомнила я тружениковъ этого дѣла, работавшихъ, боровшихся крѣпкою борьбою подъ Его начальствомъ. Вспомнила я тѣ годы волненія и тревоги, и разгара страстей, крѣпкой вѣры однихъ въ народъ русскій, и кровавыхъ пророчествъ другихъ, воображающихъ въ немъ какую то милліонную массу Парижской черни 93 года. И отецъ мой и Ростовцевъ и Ланской уже на той сторонѣ могилы, Милютинъ глубоко пораженъ болѣзнію и изъ тѣснаго круга нашего тогдашняго, почти никто уже не сходится теперь.

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Да! въ мои лѣта даже радость омрачается тѣнію сердечныхъ утратъ! но такая тѣнь не отнимаетъ у насъ солнца Божія—она какъ тѣнь густой зеленью лѣсовъ въ лѣтній полдень; свѣже и темно, но все же лучи свѣта и теплота воздуха пробиваются сквозь вѣтви деревъ, и вы знаете и чувствуете

какой блескъ и огонь обливаютъ всю землю въ этотъ знойный полуденный часъ.

На другой день милостивыя сердечныя слова отвѣтной телеграммы Государя еще обрадовали меня и всѣхъ насъ. Телеграммы получили мы еще изъ Ливадіи съ выраженіемъ дорогаго сочувствія и молитвъ, изъ Москвы съ благословеніемъ митрополита Филарета и поздравленіемъ отъ преосвященнаго Леонида, изъ Вѣны отъ протоіерея Раевскаго, отъ Погодина и Гильфердинга по *Нѣмецки* именно отъ этихъ ультра-русскихъ лицъ по Нѣмецки «*Wir gratüsliren—ets*. это забавно.

Но возвращаюсь къ нашей трапезѣ. Духовенства у насъ было довольно. Кромѣ симпатичнаго розоваго старца и отца Игнатія многіе пріѣхали изъ сосѣднихъ священниковъ большею частію отцы нашихъ учениць и слѣдовательно особенно заинтересованные въ нашемъ Братствѣ. Многіе изъ нихъ замѣчательно хорошіе и даровитые люди. Вообще здѣсь сельское духовенство гораздо самостоятельнѣе нашего въ великой Россіи; привычка ли къ борьбѣ духовной и политической, или большая свѣткость, но здѣсь, въ обществѣ, священники держатъ себя гораздо непринужденнѣе и съ большимъ достоинствомъ *вообще;* разумѣется есть исключеніе. Былъ тутъ у насъ и Французскій учитель, Швейцарецъ изъ Най-

шателя, который порядочно говоритъ по француз-ски и котораго мы пригласили давать уроки въ минуту отчаянія отъ выговора нашихъ дѣвочекъ. Здѣсь общее требованіе на два предмета *преимущественно*: на уроки клавикордъ и французскій языкъ. Такъ какъ всѣ Польки говорятъ по французски (весьма плохо) и всѣ Польскія гувернантки и во всѣхъ пансіонахъ учатъ по французски, то разумѣетсярусскіе никакъ не хотятъ отстать. Мы однако предполагали учить немножко—и предоставить эти уроки нашимъ дамамъ. Но когда ученицы, знающія, будто бы, по французски, стали читать—смѣхъ и ужасъ объялъ насъ—читаютъ онѣ очень скоро безъ остановки, въ какой то книги рядъ словъ въ такомъ родѣ:

Юнь перь.

Юнь фисъ.

Юнь меръ.

Юнь табель—и т. д. и когда мы стали смѣяться одна изъ нихъ сказала: Вотъ вы скажите не хорошо. А другія же говорятъ не юнь перь—а *вюнь* перъ. Исправлять такой выговоръ не шутка и мы рѣшились свалить этотъ трудъ на человѣка свѣжаго, не утомленнаго другими уроками и надзоромъ надъ дѣтьми. Между тѣмъ это очень подняло наши

акціи — говорятъ для французскаго языка есть *настоящій учитель* французъ.

Переходя отъ одного стола къ другому послѣ двухдневнаго утомленія, я такъ выбилась изъ силъ, что принуждена была не обѣдавши воротиться въ мой соломенный дворецъ и лечь. Къ вечерни я, однако, отдохнула. Такое утѣшеніе! всякій день теперь, цѣлую недѣлю будетъ утромъ и вечеромъ служба. Мы говѣемъ, Марья Ивановна Бурцева и я, и къ намъ пристали маленькія ученицы еще не говѣвшія ни разу и тѣ которыя великимъ постомъ не говѣли, ихъ до 22-хъ. Не могу выразитъ съ какимъ душевнымъ умиленіемъ готовимся къ причастію. Съ нами говѣетъ еще цѣлое семейство: отецъ, мать, четыре дочери и маленькій сынъ, которые хотятъ присоединиться къ православію. Имя, фамильное этого чиновника русское, его дѣдъ еще былъ уніатъ, слѣдовательно русскій, но теперь они поляки, потому что римскіе католики. Вотъ онъ подумалъ, подумалъ, да и рѣшился воротиться къ прежней народности, возвращеніемъ къ церкви прадѣдовской. *Чужая душа потемки*, говоритъ пословица; и какъ не быть чужей душѣ потемками для насъ, когда и своя душа сумерки, да иногда еще такія, что какъ не всматривайся не дойдешь, въ своей собственной душѣ, до настоящаго смысла ея тревоги и тоски. Какъ рѣ-

шить, гдѣ искреннее убѣжденіе? гдѣ увлеченіе? гдѣ разсчетъ, въ щекотливомъ дѣлѣ перехода изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое? Пять мѣсяцевъ прожитыхъ мною здѣсь среди всѣхъ недоумѣній, колебаній и сердечныхъ влеченій къ нашей церкви у тѣхъ, которые родились и жили въ Великоруссіи и чужды польской средѣ; и съ другой стороны изувѣрство, наглость и злоупотребленіе святыни вѣры для политическихъ цѣлей враждебныхъ всему русскому, эти пять мѣсяцевъ такой здѣшней жизни, много измѣнили въ моихъ возрѣніяхъ, много привели за собою ясныхъ доказательствъ, что извѣстное объявленіе князя Друцкаго-Любецкаго точно передаетъ чувства и убѣжденія многихъ полуполяковъ, т. е. окатоличенныхъ русскихъ здѣшнихъ странъ. Сверхъ того уніатство, много исказившее въ обрядахъ, а можетъ быть и въ вѣрованіяхъ, русскихъ людей, много также и запутали понятія въ ущербъ латынства. Ходили безразлично въ ту и другую церковь и православный обрядъ не чуждъ и не поражаетъ римско-католика здѣсь. Гораздо больше есть такого, что влечетъ въ намъ нежели что удаляетъ отъ насъ какъ скоро не вмѣшивается національное чувство въ это дѣло. Я понимаю теперь, что 3.000 человѣкъ всѣмъ приходомъ присоединяются къ православію, не только безъ насилія,

но даже безъ пропаганды и безъ религіозной экзальтаціи, но по тому нравственному вліянію, которое какъ то носится *въ воздухѣ* и заражаетъ умы какимъ нибудь особеннымъ направленіемъ, дурнымъ или хорошимъ все равно, но довольно безотчетливымъ. И такъ я говорю самой себѣ: «Не судите да не судимы будете». Когда человѣкъ честный и нравственный принимаетъ православіе, будемъ и мы его принимать радушно по братски, поминая черезъ какую прошелъ онъ душевную борьбу и понимая и крѣпко вѣруя, что наша церковь *истинная,* и что можно же признать и полюбить и повѣрить въ истину, и выйти изъ заблужденія духовнаго! Если и тутъ обманутъ насъ Конрады Валенроды и ученили гр. Ф. Деместра, совѣтовавшаго нестѣснять себя причащеніемъ святыхъ тайнъ въ нашей церкви, а въ душѣ считать ее расколомъ и ересью, и принадлежитъ латынству, если такіе люди насъ обманутъ, то на нихъ же падетъ и грѣхъ и кара небесная, а пока мы не видимъ этого, все-таки не намъ судить, Мои братчицы всѣ также смотрятъ на это какъ я; и мы только сожалѣемъ, что не имѣли времени и возможности познакомиться прежде съ этимъ семействомъ и узнать поближе по крайней мѣрѣ для дѣтей, подготовлены ли они? Говорятъ, что главная причина ихъ присоединенія, было желаніе посы-

лать старшихъ дочерей въ наше училище. Онѣ очень миленькія дѣвочки, но не знаю еще какъ будутъ учиться. Сынокъ лѣтъ шести, сначала дичился, а теперь становится все около меня въ церкви и такъ какъ другіе напѣвы для него слишкомъ мудрены, повторяетъ только потихоньку «Аминь», когда хоръ поетъ это слово, и такимъ онъ тоненькимъ, вѣрнымъ голоскомъ поетъ, точно набожный комаръ. Благослови Господь малютокъ этихъ, и не дай сомнѣніямъ и противорѣчіямъ вселиться когда нибудь въ ихъ сердца!

И вотъ насталъ день прощальный. Дѣла въ Петербургѣ задержались. Нѣтъ отвѣта объ фермѣ; надобно стараться, просить, хлопотать, сбирать, нищенствовать опять! Ибо наши средства истощились; до Генваря столовые есть и жалованіе до 1-го Марта, а тамъ!.......

Я крѣпко вѣрую, что Богъ поможетъ. Какъ? чрезъ кого?—Всего вѣроятнѣе чрезъ неисчерпаемую доброту Императрицы и Государя; но какъ бы то ни было, я должна употребить всѣ усилія и всѣ собственныя средства, потому что теперь вижу, что дѣло идетъ впередъ, стало быть оно угодно Богу, и вижу какъ ясно и вѣрно въ своемъ предсмертномъ желаніи отецъ мой указалъ на потребность и пользу этого края. Говорятъ, что у умирающихъ бываетъ пророческое видѣніе вещей, сокрытыхъ отъ разсѣянныхъ мыслей живыхъ: таково и это.—Оно есть дополненіе и продолженіе перваго великаго дѣла, порученнаго ему Николаемъ Павловичемъ: возсоединеніе уніатовъ; это возсоединеніе спасло западный край Россіи, укрѣпивъ за русской церковію во вѣки массу простаго народа русскаго. Теперь «чрезъ *Русское* воспи-

таніе женщинъ» надлежитъ возвратить Россіи семейную жизнь среднихъ классовъ; авось высшіе потянутся за ними.—И такъ! въ дорогу опять! Мнѣ жаль разставаться съ нашимъ дѣломъ и въ самой радости свиданія со многими дорогими мнѣ—примѣшивается страхъ того водоворота Петербургскаго, который такъ меня измучилъ, въ которомъ душа не знала покоя, и боюсь потерять опять такъ недавно возвращенный миръ души;—но буду уповать на Того Кто сказалъ: «Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ, не яко міръ даетъ азъ даю вамъ. Да не смущается сердце ваше ни устрашаетъ».

Въ субботу мы всѣ причащались, въ Воскресенье ѣздили на Богомоліе къ милому Гульчинскому источнику.

Весь остальный день я укладывалась и расплачивалась.

Во вторникъ была ранняя обѣдня и путешественный молебенъ; напутственное слово отца Игнатія меня вмѣстѣ и тронуло и сконфузило—здѣсь полагаютъ, что гораздо больше мною сдѣлано, нежели въ самомъ дѣлѣ; все хорошее сдѣлалось само собою, случайно или чрезъ добрыхъ людей. Я собственно только хлопотала *the begging letter writer*. Съ дѣтьми я простилась въ церкви, многіе изъ нихъ заплакали и я съ ними; храни ихъ Господь! Ихъ, и моихъ до-

рогихъ училищныхъ труженицъ! Сестра Алексѣева поѣхала со мною на богомоліе въ Почаевъ; Марья Ивановна проводила меня до Межирѣча; мы поѣхали вдвоемъ въ таратаечкѣ, какъ ѣздили такъ часто, лѣтомъ, а дорожный экипажъ за нами, и многіе Братчики и Братчицы, между ними и милая Анна Сергѣевна У—пріѣхавшая проводить меня.

И вотъ послѣ молебна у этой Чудотворной иконы Божіей Матери, возвращенной намъ черезъ болѣе двухъсотлѣтняго плѣна, простилась я этотъ разъ съ острожскимъ Братствомъ, уже вполнѣ основаннымъ, уже отдавшимъ свою дань могилѣ въ лицѣ двухъ усерднѣйшихъ изъ первоначальныхъ членовъ своихъ. Суждено ли мнѣ опять увидѣться съ Острогомъ и нашимъ училищемъ? и когда? и какъ?

Мы поѣхали мимо великолѣпной, заброшенной усадьбы Сосновскаго, польскаго пана скульптора (давно переселившагося въ Римъ)—на Куневъ, гдѣ наша волость и гдѣ старшина и старосты встрѣтили меня уже съ изъявленіями самаго дружескаго расположенія; тутъ мои радушные хозяева Яблоновскаго Палаца—Гогель и его милая добрая жена, еще угостили меня прощальнымъ завтракомъ въ волостномъ правленіи и, по русскому обычаю, снабдили съѣстными припасами и лакомствомъ на путь уже знакомый мнѣ, по прежней поѣздкѣ въ Ляховцы. По этому

знакомству то на слѣдующей станціи въ Великой Боровицѣ меня опять окружили старшины и старосты и непремѣнно требовали, чтобъ я проэкзаменовала ихъ дѣтей и зашла въ ихъ церковь. Дѣти бѣгло читаютъ церковно-славянскую и гражданскую печать и между ними крестьянскія *дѣвочки,* что для меня ново, ибо до сихъ поръ я замѣчала весьма большее нерасположеніе у крестьянъ посылать дѣвочекъ въ школу. Славянскій и великорусскій языкъ, языкъ церковный и языкъ царскій — вотъ чему естественно хотятъ выучиться въ народѣ, а *потребности* будто бы изученія малороссійскаго говора — здѣсь, по крайней мѣрѣ на Волыни, нѣтъ; всѣ крестьяне, съ которыми я встрѣчалась и въ Полѣсьѣ и въ Октавинѣ, говорятъ языкомъ такимъ близкимъ къ нашему, что не трудно намъ понимать другъ друга; но когда случалось слышать пѣсни, или вѣрнѣе назвать, разсказы какимъ то монотоннымъ речитативомъ, съ акомпаниментомъ цимбала, то я уже понимала смыслъ не по сходству съ русскимъ, но по сходству съ *сербскимъ* языкомъ, съ сербскими оборотами рѣчи, и даже описаніями и картинами. Въ Боровицахъ старшина, рослый красивый малый съ привѣтливымъ выраженіемъ лица не совсѣмъ обыкновеннымъ здѣсь, очень гордился и грамотностію дѣтей и красивой церковію вновь обшитою тёсомъ

и выкрашенною иждивеніемъ села на 300 р. и разсказывалъ про это такъ свободно и весело, что я почувствовала себя дома наконецъ и нашла опять русскихъ мужичковъ, съ которыми такъ люблю потолковать. Этой большей степени развитости (сказывали мнѣ) крестьяне одолжены очень хорошему и дѣятельному священнику, извѣстному своими добрыми качествами и благодѣтельнымъ вліяніемъ.—Изъ Боровицъ мы поѣхали на прекрасной шестернѣ вороныхъ коней Пана помѣщика тамошняго, Могильницкаго, до станціи Брыкова.—Тутъ обязательно остановилъ насъ уже не старшина, а чиновникъ Государствен. Имущ. знакомый по прежней поѣздкѣ, который приготовилъ намъ чай пить. Нельзя было отказать, хотя уже стало смеркаться. Брыковъ принадлежалъ весьма богатому скрягѣ ростовщику старику Пану, который копилъ деньги, серебро и векселя, весь свой вѣкъ и въ одно прекрасное утро накопилъ тоже и оружіе и порохъ и переписку съ повстанцами и все это открыто и все вмѣстѣ конфисковали. Любовь къ польской ойчизнѣ и къ тайной интригѣ пересилила даже скупость; или этотъ Pére Grandet своего рода и обиралъ и притѣснялъ можетъ быть своихъ должниковъ ради ойчизны и ржонда? Вскорѣ послѣ онъ умеръ, а его управляющій сыгралъ какую то комедію, подъ видомъ пожара въ кабинетѣ его, послѣ

его смерти, произвели суматоху ужасную; пламя выкинувшее изъ трубы сей часъ погасили, но огромнаго количества столоваго и другаго серебра уже не нашли и слитковъ не осталось, и вѣроятно ойчизна еще попользовалась этими приборами, и украшеніями. Великое дѣло *ойчизна* здѣсь! она какъ христіанская любовь Св. Павла «все покрываетъ, все *терпитъ*»; такъ гласитъ преданіе. Домъ хорошъ и кажется довольно помѣстителенъ, но входъ (единственный) по узкой крутой, кривой лѣстницѣ и какая то странная терраса или галлерея тянется за нимъ, однако все въ домѣ цѣло и окна и потолки, и замки и задвижки, и даже очень приличная мебель. Это меня удивило послѣ Варковича Кунева и пр. и я просто спросила какъ это уцѣлѣло, ибо господамъ чиновникамъ Государственныхъ Имуществъ я не разъ говорила, что они, или ихъ порядки напоминаютъ Гайдамакскую войну: столько же развалинъ видишь отъ той и отъ другихъ. «Имѣніе не давно принято, былъ отвѣтъ, еще не успѣли разрушить». Впрочемъ чиновники ни душой ни тѣломъ не виноваты. Вотъ процессъ разрушенія: когда отбирается имѣніе, то принявъ домъ и движимость дѣлается опись и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ канцелярской переписки, назначаются торги съ аукціона на всю мебель и всю движимость. Когда такимъ образомъ остаются только голыя стѣны и

что никто ужъ не можетъ жить въ немъ, домъ запирается и отдается подъ опеку Волости; но не отпускается ни чего ни на поддержку, ни на поправки строенія, ни на караулъ, ни на отопленіе хотя комнатки для караульныхъ. Вотъ сперва Волость дѣлаетъ самыя благонамѣренныя распоряженія. Все запираетъ на ключъ ни въ окна ни въ двери не впускаетъ воздуха и назначаетъ караульныхъ изъ штрафованныхъ крестьянъ; но настаютъ осенніе холода, караульные, хотя и шрафованные, все же люди имъ и холодно и голодно, и мало по малу поддаются искушенію: сперва берутъ жертвою заборъ или плетень или рѣшетку двора, на топливо; потомъ разстаскиваютъ солому съ крышей хозяйственныхъ построекъ, чтобъ себѣ постлать постель, а тамъ и старую дверь сожгутъ, потомъ—вѣдь ѣсть нечего, приходитъ мужичекъ къ нимъ; ему нуженъ замокъ, тутъ сколько же замковъ попустому ржавѣютъ! зачѣмъ не пустить его въ домъ съ топоромъ? Онъ идетъ и ради скорости не развинчиваетъ, а вырубаетъ топоромъ замокъ, другой, задвижки, раскалывая немилосердо рѣзныя дубовыя двери. Когда начинается такая *работа*, ей конца не видать. Всякій крестьянинъ ужъ приходитъ и беретъ что нужно. Печь разбираетъ на кирпичъ, кровлю на желѣзо или гонтъ, образуются течи, все валится; наконецъ ужъ

просто стѣны разбираютъ по кирпичу, и Волость, удостовѣрясь въ совершенномъ упадкѣ зданія, снимаетъ караулъ и остается груда безобразныхъ развалинъ, безъ живописности формъ, безъ историческаго значенія остатковъ разрушенія и опустошенія войны.

Кажется теперь хотятъ принять мѣру, простую: пока идетъ операція люстраціонная, говорятъ будутъ отдавать какъ есть имѣніе, въ совершенномъ порядкѣ въ аренду тѣмъ лицамъ, которыя заявятъ заранѣе намѣреніе купить его по окончательной оцѣнкѣ. Дай Богъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ приняли мѣры отстранить это безобразіе, которое такъ и колетъ глаза на каждомъ шагу здѣсь и торчитъ грудами упрековъ и соблазна, постыдными для русскаго чувства; ужъ это точно des pierres de scandal et d'achoppement.

18 и 19 Октября на пути домой.
Загаецъ и Кременецъ.

Переночевавъ въ Темпогайцахъ, мы рано утромъ 18 Октября отправились съ Другомъ Дома съ шесть верстъ назадъ, черезъ имѣніе (которое тѣмъ временемъ посмотрѣли), въ древній, живописный русскій монастырь *Загайцкій* Св. Іонна Милостиваго. Стоитъ онъ въ густой зелени за оградой, на возвышенности и надобно идти нѣсколько шаговъ въ гору пѣшкомъ, чтобы дойдти до крыльца. Ветхій, бедный, одинокій, стоитъ онъ старымъ сторожемъ на большой дорогѣ, среди давно отобранныхъ у него богатыхъ дачъ; но ни бѣдность, ни бѣдствіе гоненій, ни насиліе, ни соблазны, ни примѣры другихъ, ничто не поколебало его вѣрности; одинъ во всемъ околодкѣ, онъ устоялъ въ православіи, и смотришь съ умиленіемъ на него, какъ на увѣчнаго воина въ бѣдномъ рубищѣ своемъ, забытаго тѣми, которыхъ отстаивалъ и за которыхъ понесъ онъ столько болѣзней и ранъ! Однако нашелся русскій человѣкъ вспомнить и похлопотать о немъ; одинъ изъ моихъ спутниковъ много и усердно работающій на пользу русскаго вліянія здѣсь, В. Н. М. постарался до-

искаться, и дочитаться до слѣдовъ такихъ документовъ, которые бы могли помочь къ его обезпеченію. Авось Богъ дастъ ему успѣхъ! Такіе памятники исторіи нашей, исторіи отчаянной борьбы русскихъ въ здѣшнемъ краѣ, мало гдѣ уцѣлѣли: Загаецъ одинъ изъ весьма немногихъ. Здѣсь всѣ и все, что принадлежитъ ко Двору Царя и Царицы, что по мнѣнію здѣшнему къ Нимъ приближено, встрѣчаетъ почетъ и привѣтъ необычный, и монахи вышли съ крестомъ на паперть церковную, а крестьяне *Братчики* (ибо вездѣ есть Братство) стояли съ хоругвями и съ своими большими зажженными свѣчами на дворикѣ за оградой. Въ этихъ случаяхъ я всегда чувствую себя сконфуженною, мыслею, что я совершенно похожу на главное лице извѣстной басни *Lafontaine'a* «*l'ane porteur de reliques*»; но когда я взошла въ эту обветшалую святыню и начали пѣть молебень 5—6 дряхлыхъ стариковъ и необтесанныхъ послушниковъ, всякое личное чувство исчезло въ умиленіи и молитвѣ. Помоги намъ Богъ такой крѣпкой борьбой побороться и теперь, противъ новѣйшихъ соблазновъ и другаго рода препятствій и гоненій! Дай Богъ добрымъ намѣреніямъ добрыхъ людей исполниться и Загайцамъ поднять опять голову. Даже и теперь передъ самымъ монастыремъ подъ его руководствомъ устроивается школа. Съ умноженіемъ средствъ и состава своего,

монастырь могъ бы распространить доброе вліяніе. Нашъ Владыко конечно постарается объ этомъ; преосвященный Агафангелъ, и по уму и по сердечному чувству именно для такихъ дѣлъ созданъ; далъ бы Богъ только силъ и здоровія. Въ Загайцахъ Настоятель Отецъ Платонъ прусакъ, принявшій православіе; мнѣ очень хотѣлось поближе познакомиться съ нимъ и посмотрѣть что это за измѣненный видъ нѣмецкаго *Drang nach Osten* (Погодинъ вѣрно сказалъ бы на это: милости просимъ), но насъ ждали въ Кременцѣ у ректора семинаріи, а къ вечеру мы должны были поспѣть въ Почаевъ. Надобно было спѣшить.

Около исхода перваго часа мы спустились съ довольно высокой горы въ зеленое ущелье Кременца и между двумя рядами еврейскихъ домовъ, домиковъ и хижинъ, которые составляютъ городъ, въ виду развалинъ замка королевы Боны, доѣхали мы до крыльца терассы, надъ которой высится великолѣпный костелъ Чацкаго лицея, этого змѣинаго гнѣзда, этого притона нравственнаго разбоя, историческаго мошенничества, и религіознаго изувѣрства, которыя воровски похитили у насъ цѣлыя поколѣнія и залили кровію весь западный край. Есть люди, на которыхъ *историческая почва* (мѣста и зданія) не дѣйствуютъ; на меня они вліяютъ какою то магнетическою силою, физически сотрясаютъ

нервы, какъ бываетъ отъ сильнаго электричества въ воздухѣ во время грозы. Сестра Алексѣева также воспріимчива, и насъ обѣихъ обдало чувство ужаса и глубокой скорби, вступая на эту прекрасную терассу, глядя на все это богатство и силу науки, художествъ и матеріальныхъ средствъ, такъ щедро расточенныя однимъ частнымъ лицемъ во вредъ и гибель Россіи, и вспоминая что ему способствовали всѣми силами своего положенія и вліянія Министръ Русскаго Правительства, и всѣмъ могуществомъ своей неограниченной власти воспитанный и обольщенный лестію иностранцевъ, Русскій Государь!... Но даже ослѣпленіе, напущенное на него *Laharpé*-омъ и Чарторыйскимъ не могло выдержать слишкомъ явныхъ козней Чацкаго, и кажется изъ за него, Александръ Павловичъ поссорился съ своимъ зловреднымъ другомъ и совѣтникомъ. Теперь изъ костела освятили Церковь и въ зданіи Лицея помѣстили Духовную Семинарію. «Дай Богъ, говорила я Отцу Ректору, Архимандриту Модесту— чтобъ Ваши воспитанники успѣли вырвать и связать и кинуть въ печь всѣ плевелы, посѣянныя *врагомъ человѣкомъ*, на нашемъ селѣ, пока хозяинъ нашъ и его слуги спали!» Мы вошли въ Церковь великолѣпную, но для насъ, заднѣпровскихъ Русскихъ, полную соблазна съ ея остатками алтариковъ, тряпичекъ,

зеркальцевъ и другихъ театральныхъ, почти *конфектныхъ* украшеній, къ которымъ, должно быть, приглядываются наконецъ, ибо здѣсь сплошь и рядомъ остаются они въ присоединенныхъ, вновь освященныхъ церквахъ.

За то пѣніе ужъ чисто православное, Кіевскаго напѣва большей частію, и эти свѣжіе глубокіе звучные южные голоса въ стройномъ хорѣ, эта умилительная молитва «подъ твою милость прибѣгаемъ, Богородица дѣво!» раздавались какъ пѣснь неземная подъ гармоническимъ просторомъ высокихъ сводовъ, между смѣлыми, легкими арками церкви. Всюду въ здѣшнемъ краѣ встрѣчаешь тоже. Наружная обстановка въ церквахъ васъ коробитъ какимъ то смѣшеніемъ и путаницей понятій, но внутренній, богодухновенный смыслъ молитвы на чудномъ, древнемъ нашемъ общемъ, общепонятномъ и величавомъ языкѣ, и единство напѣва въ главныхъ частяхъ богослуженія, умиротворяютъ и умиляютъ васъ.

Такъ и теперь уѣзжая изъ Семинаріи, я вспомнила другую притчу о Сѣятелѣ,—когда говоря о Царствіи Божіемъ, о вѣрѣ и плодахъ ея въ душѣ человѣка, Спаситель сказалъ: «*Тако есть яко же человѣкъ вметаетъ сѣмя въ землю, и спитъ и востаетъ нощію и днію, и сѣмя прозябаетъ и рас-*

тетъ якоже невѣсть онъ; отъ себе бо земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, тоже исполняетъ пшеницу въ класѣ».

Такъ будетъ и для моей Россіи, подумала я; лишь бы сѣяли доброе сѣмя, истиннаго просвѣщенія—открывали бы и показывали правду, всю правду и въ древней и въ современной Исторіи нашей,—и земля наша, Богомъ хранимая и благословенная, отъ себя будетъ плодить добрый плодъ, и настанетъ обильная жатва!

Въ такомъ мирномъ настроеніи духа доѣхала я до нашей дорогой Лавры Почаевской, все прекрасной и привлекательной, хотя небо было покрыто тучами, подувалъ урывисто холодный вѣтеръ, и облетѣли листья съ орѣховъ и каштановъ ея рощицъ и садовъ.

Мы опять поспѣли къ самой вечерни, но уже въ теплой, зимней церкви Св. Варвары мученицы, но уже терасса передъ нашей комнатой была заперта на зиму—и были заперты комнаты Архіерейскія, гдѣ мы такъ недавно не замѣчали какъ проходили часы въ мирной, душеполезной бесѣдѣ съ нашимъ глубокопочитаемымъ и замѣчательнымъ архипастыремъ.—Грустно было не застать его—не имѣть возможности передать ему столько и столько накопившихся мыслей и чувствъ, и принять отъ него бла-

гословеніе и наставленія, которыя намъ тѣмъ дороже, что онъ такъ исполненъ сочувствія къ нашему дѣлу.

Послѣ вечерни мы пошли въ соборъ отслужить молебенъ у образа, и помолиться у стопы Божіей Матери. Церковь была пуста и темна, только надъ стопою, въ одномъ концѣ и передъ царскими дверьми въ противуположномъ, горѣли неугасаемыя лампады. Невыразимо таинственно было впечатлѣніе этого мерцающаго свѣта и этой тишины, при коихъ стала тихо спускаться съ высоты, отдѣляясь отъ иконостаса, и мерцая и блистая сама какъ лампада, чудотворная икона въ своей золотой осыпанной каменьями, звѣздной ризѣ. Тихо, въ полголоса началъ сперва служить молебенъ пожилой монахъ, потомъ собрался небольшой прекрасный хоръ, съ пріѣхавшимъ съ нами нашимъ регентомъ, затеплились поставленныя нами свѣчи и стало свѣтло и ясно около насъ. На другой день мы были у обѣдни, а тамъ я простилась съ милой сестрицей и черезъ нѣсколько часовъ мы переѣхали границу между Радзиловымъ и Бродами. Ѣду только *крюкомъ*, такъ сказать, *черезъ чужія края* въ Россію опять.— Срокъ моей поѣздки всего 10 дней—но меня всетаки охватило это тяжелое, удушливое чувство какъ будто моральнаго холода и сыраго тумана—какъ

Петербургская ноябрская мгла—чувство, которое всегда гнететъ меня и омрачаетъ все около меня, когда переѣзжаю эту почти фиктивную линію между двумя шлагбаумами, двумя таможнями. Здѣсь же странная случайность; отъ нашей таможни и до города Бродъ вдругъ совершенно измѣняются и почва земли и характеръ мѣстности. Исчезаютъ гористые холмы и черноземъ и дубовыя рощи, и длинная совершенно плоская, на 5 верстъ пространства полоса, сыпучаго песку и молодаго бору, тянется сплошь до Бродъ, гдѣ опять измѣняется картина и принимаетъ живописный видъ Волыни. Какъ на границѣ въ Вержболовѣ, въ Таурогенѣ, въ Ковнѣ (гдѣ была граница прежде), такъ и въ Радзивиловѣ, такъ и на *прежней* границѣ нашей Кіевской—таже песчаная, покрытая сосною, полоса протягивается вдругъ, являясь какою то лентою, какъ закладка, въ книгѣ, показываетъ, гдѣ остановился читающій и откуда слѣдуетъ ему продолжать.

P. S. — Острогъ Волынскій.

29-го Генваря 1868 года Господь благословилъ освятить и боковой Придѣлъ во имя Св. Великомученика Пантелеймона Цѣлителя.

20-го и 23-го Октября.

Львовъ и Краковъ.

Видѣла я въ первый разъ Львовъ; была у обѣдни въ церкви Святоюра въ день великаго Московскаго праздника Казанской Иконы и освобожденія отъ Поляковъ; была наканунѣ и служили молебенъ въ старой церкви Волоцкой, или Воложской бывшей ставропигіальной гдѣ Священникъ слыветъ также какъ Святоюровцы приверженцемъ древнихъ обрядовъ русскихъ и увы! какъ дико, и чуждо все это смотритъ и служитъ и поетъ! Какъ завладѣло всѣмъ Латынство, какъ даже возгласы за обѣдней даже святыя слова «*горѣ имѣемъ сердца*» съ какими то варіяціями и трелями и дребезжаніемъ голоса Священника, какъ это усердное оглушительное пѣніе хора во все продолженіе молебна который Священникъ въ это время читалъ шепотомъ про себя; Боже мой, какъ все это, вмѣстѣ съ алтариками и рѣзными куклами и длинными безчисленными свѣчами на заставленномъ разными фигурами и вазочками и цвѣточками престолѣ, между тѣмъ какъ иконостасъ исчезаетъ весь въ ко-

лоннахъ съ крошечными иконами на пьедесталахъ колоннъ, какъ все носитъ отпечатокъ захватовъ запада, и все проникнуто обладаніемъ Рима; молодой Священникъ не понималъ меня когда я спрашивала что это онъ служитъ молебенъ или вечерню, и жестомъ показалъ молитвенникъ въ которомъ читалъ (Кіевскій) и прибавилъ что-то по Польски, которое я (признаюсь) и не постаралась понять; двѣ, три старушки читали всю обѣдню въ молитвенникахъ, и всѣ эти молитвенники Польскіе. Четыре человѣка стояли съ большими свѣчами и свѣчи всѣ въ тафтяныхъ и бумажныхъ цвѣткахъ, и дѣлали они *книксены* передъ алтаремъ. И это остатки Львовскаго братства, вѣроятно! И нашъ милый, добрый Яковъ Ѳедоровичъ воображаетъ что это не унія, а православіе признающее Папу! И колокольчикъ даже, (что-то въ родѣ Валдайскаго колокольчика), загудѣлъ какъ будто подъ дугой, раза два, три, въ самые торжественныя минуты Литургіи, и тутъ ужь рѣшительно нельзя понять на что онъ—ибо священно-служители говорили и читали внятно, громко, со всею гармоническою полнотою малороссійскихъ голосовъ, при необычайной звучности (резонанса) сводовъ Свято-Юровской церкви; колокольчикъ въ шептанной мшѣ имѣетъ смыслъ предупреждать молящихся о томъ чего они не слышатъ; но въ нашей

литургіи и при такомъ благоговѣйномъ и торжественномъ служеніи, ибо служили замѣчательно благоговѣйно и внятно и громко, колокольчикъ теряетъ всякій смыслъ и безъ всякой пользы раздражаетъ нервы и отвлекаетъ вниманіе. Сторожъ церковный который наканунѣ показывалъ намъ церковь Святаго Георгія говорилъ мнѣ съ самодовольной улыбкой «Мы русскіе, али Латыни; самъ Ми«трополитъ былъ у Рима и это (указывая съ гор«достію на алтарики) это все такъ у Риму и нашъ «Святой Отецъ Вселенскій Патріархъ Папа Пія «такъ приказалъ».

«Все это такъ, отвѣчала я, и Папа, пожалуй, Вселенскій Патріархъ, и Митрополитъ все это видѣлъ такъ въ Римѣ, и вы Латиняне какъ говорите, а все это не русское, любезный мой, а все это Польша внесла!»

«Нѣтъ, нѣтъ, мы не Поляки мы Римскіе», возразилъ онъ. Но со старымъ сторожемъ по крайней мѣрѣ, мы понимали другъ друга, т. е. языкъ русскій, а молодой Священникъ, непринадлежащій уже къ простому народу и того не понималъ!

О! какъ томительно понятны дѣлаются сердцу и Гайдамакская война, и всѣ ея ужасы, какъ живо воскресаютъ передъ вами отдаленные образы исторіи нашей, когда видите это нравственное порабо-

щеніе и изуродованіе края роднаго! И вотъ передъ вами послѣднія предсмертныя судороги, замученной долгою борьбою, русской уніи;—разряженная, нарумяненная, издыхающая жертва, воображаетъ что она сохранила завѣтный кладъ своихъ отцевъ, что она не измѣнила ихъ вѣрѣ,—а она Латинка уже давно, только не сознаетъ своего паденія, такъ наивно какъ бѣдный сторожъ Свято-Юра! «*Qu'ai je fait? où suis je tombé?*» былъ девизъ одного знаменитаго, падшаго рода среднихъ вѣковъ. Среди всего блеска и богатства и красоты Свято-Юровской Церкви, на ея высокой горѣ съ ея изящными архитектурными линіями обрисовывающимися на синемъ прозрачномъ небѣ, съ прелестнымъ видомъ на городъ и на сосѣднія горы, среди всей этой блистательной картины слова стараго девиза: «Qu'ai je fait? où suis je tombé?», казалось мнѣ, вездѣ написаны, какъ горькое восклицаніе глубоко падшей русской уніи здѣшняго края.

Но, кажется, очи уніатовъ держатся, и эти грустныя слова, самосознанія и раскаянія, нигдѣ не видятся и не слышатся имъ! А для того чтобы возстать, надобно сознать свое паденіе. Выходя изъ Церкви или костела, какъ ея назвать? я сказала одной моей родственницѣ здѣшней жительницѣ: «Когда зажму-

ришь глаза, кажется есть тутъ и родное, а откроешь глаза—такъ дико, и чуждо.»

«Конечно, отвѣчала она, но слава Богу что хоть это есть здѣсь». — Это было у дверей при выходѣ, гдѣ надобно было обождать чтобъ пройдти не толкаясь. Съ нами вмѣстѣ выходили молодые семинаристы, пѣвшіе прекрасно обѣдню. Одинъ изъ нихъ что-то пристально посмотрѣлъ на насъ.—Понялъ-ли онъ наши слова, и понялъ ли смыслъ ихъ?—не знаю. Врядъ ли!

Не смотря на грустное впечатлѣніе, я однако положила по серебряному рублю на двѣ тарелки для сбора и положила ихъ ради Ливчака и его Страхопуда, въ доказательство что были тамъ Москали и *ихъ рубли*, увы! въ какой гомеопатической долѣ!

Въ Львовѣ я была проѣздомъ только въ тѣсномъ семейномъ кругу родственницы и не успѣла повидаться ни съ кѣмъ изъ *русской партіи*. Можетъ быть они бы оставили впечатлѣніе болѣе отрадное. Православная церковь есть, домовая для солдатъ, но служба на Валашскомъ языкѣ, а для насъ языкъ такъ крѣпко связанъ съ обрядомъ, что на непонятномъ языкѣ богослуженіе не удовлетворяетъ нашего религіознаго чувства. Простой народъ и здѣсь очень дорожитъ *языкомъ* роднымъ и причастіемъ изъ чаши и наша служанка *Марыся* говоритъ что ни за что не

причастится лепешкой. *Санъ* мы переѣхали ночью въ Перемышлѣ, но мѣсяцъ отражался въ немъ и я его серебристую струю увидѣла хотя мелькомъ. Что-то будетъ съ нимъ? и можетъ-ли онъ еще быть границей Руси, или уже онъ тоже окончательно слился съ Рейномъ и Сеною и Тибромъ? Между тѣмъ въ Львовѣ и около Львова странное, ни на чемъ неоснованное, убѣжденіе вкоренилось, что восточная Галиція присоединится къ Россіи. Русскіе идутъ и Русскіе скоро будутъ,—это слухъ, который разносится безпрестанно; а простолюдины и дѣти говорятъ объ этомъ времени какъ близкомъ и неизбѣжномъ. Въ планахъ и предположеніяхъ входитъ это будущее какъ эпоха: говорятъ то то сдѣлаю, или тогда то и тогда то «я же край нашъ буде забранъ Руссами».

А въ Бродахъ, ксензъ въ разговорѣ съ однимъ моимъ спутникомъ говорилъ: «здѣсь есть уніаты, но нѣтъ схизматиковъ. Впрочемъ кто знаетъ? Можетъ и *схизму* къ намъ введутъ». Меня поразило совершенное незнакомство, неизвѣстность, даже молодыхъ Поляковъ о лицахъ и литературномъ движеніи *русскихъ* въ Львовѣ—они не притворяются, а въ самомъ дѣлѣ игнорируютъ ихъ. Между тѣмъ весь этотъ аристократизмъ не мѣшаетъ имъ жениться на танцовщицахъ и актрисахъ и les mesalliances въ великомъ ходу. Еще на Волынѣ простые люди говорили

мнѣ о панахъ: «точно какъ будто ужъ ихъ время кончено и панство такъ и вымираетъ.» Тоже самое и въ Галицкой Руси, хотя еще много громадныхъ имѣній и весь блескъ и гордость магнатства живетъ здѣсь, но они идутъ на самоубійство какъ все вообще въ Австріи; это Гипократова черная горячка, разложеніе всего организма.—Но кто наслѣдуетъ панству здѣсь? у насъ народъ *ростетъ* и духовенство ведетъ его, и хотя не велико число ихъ, но есть хоть горсть честныхъ людей изъ Великорусской интелигенціи, которыя протягиваютъ руку имъ; и простой народъ сознаетъ свое положеніе и съ глубокою любовью, благодаритъ и благоговѣетъ передъ Царемъ, и въ церкви своей и обрядахъ, глубоко сознаетъ свое единство со всей Россіей, крѣпко связанъ съ нею Вѣрою православной. «Намъ хорошо, намъ очень «хорошо» говорили мнѣ всѣ столкнувшіеся со мною по какимъ либо обстоятельствамъ крестьяне, Бога да царя благодаримъ всегда!» и сколько нѣжной и благодарной любви въ ихъ глазахъ когда они такъ говорятъ.

Такъ ли судитъ народъ въ Галиціи? Не знаю. Но во всякомъ случаѣ это искаженіе обрядовъ и вѣры должно воздѣйствовать на народное самосознаніе и какъ ясно и наглядно видишь всю важность всю великость заслуги передъ исторіей и Россіей Николая

Павловича и его сотрудниковъ Семашки и моего отца въ постоянномъ, разумномъ и счастливомъ веденіи дѣла о возвращеніи уніатовъ въ православную церковь.

Сегодня рано утромъ пріѣхала я въ Краковъ, въ которомъ была только проѣздомъ ровно 20-ть лѣтъ назадъ. Не много перемѣнъ къ лучшему нашла я въ немъ, но тотъ же отпечатокъ древней исторической жизни, который для меня всегда привлекателенъ и который, кажется, долженъ привязывать къ себѣ народность края. Здѣсь, ходя среди великолѣпныхъ монументовъ, каплицъ и гробовъ королей, прелатовъ и воеводъ польскихъ, у меня просыпается такое же чувство какъ въ Варшавѣ. Поляки здѣсь дома, они имѣютъ бурное, но славное прошедшее и мнѣ ихъ жаль.... Краковъ сдѣлался казармой — цитадель съ виду очень грозная, по Lohnbediente мой какъ то насмѣшливо показалъ мнѣ пушку на валу крѣпости, говоря, «посмотрите зачѣмъ это они поставили пушки?» Не я могу рѣшить противъ кого — противъ ли прусаковъ или насъ, или самого города? Какъ бы нибыло австрійское правительство пока мирволитъ всѣмъ демонстраціямъ поляковъ. Я было попросила моего родственника съиграть мелодію гимна «Съ дымомъ пожаровъ» — да потомъ прибавила — только нескомпрометируетъ ли это васъ?

«О! совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—наше правительство дозволяетъ намъ всевозможные гимны и марши польскія; но вотъ, сынъ мой хотѣлъ выписать русскую грамматику, такъ я не позволилъ выписывать по почтѣ, а развѣ съ *вѣрной* оказіей, иначе насъ отдадутъ подъ присмотръ полиціи и будутъ придираться безпрестанно». Въ Краковѣ однако есть одна императорская демонстрація, такъ *по нѣмецки глубокомысленна,* что провалишься въ нее, какъ говоритъ Вяземскій. Въ склепѣ, гдѣ гробницы Собѣскаго, Владислава IV и Костюшки, стоитъ вновь отдѣланная гробница короля Михаила Вишневецкаго и на надписи вырѣзано, что такого то года этотъ надгробный памятникъ Вишневецкому воздвигнутъ иждивеніемъ Императора Францъ-Іосифа. Почему? поймите если можете. Quant a' moi je jette ma langue aux' chiens, какъ говоритъ M-me de Sévigné.

На пути домой.

Ужъ было совершенно темно, глубокой темнотою осеннихъ ночей здѣшней мѣстности, когда мы проѣхали мимо Загайцкаго монастыря, а за нимъ изъ чьей-то усадьбы выскакало четверо верховыхъ съ *Каганцами*, которые фантастически освѣщали путь передъ нами какою-то подвижной илюминаціей, при которой и блѣдный, неземной цвѣтъ листьевъ, и бѣлый слѣдъ дороги и сами верховые, мелькаютъ какъ призраки или лѣшіе. Все принимаетъ сказочный, волшебный видъ и несешься опрометью въ этомъ странномъ свѣтѣ среди окружающей тьмы, какъ будто ѣдешь за живой и мертвой водою или за жаръ птицею. Да и мы сами? полно не ищемъ ли мы жаръ птицы съ ея райскимъ пѣніемъ, въ нашемъ идеалѣ русскаго женскаго вліянія здѣсь, къ которому мы стремимся въ нашемъ братствѣ? запоетъ ли она когда либо, эта птица, пѣсню райскую любви и вѣрности и мира? И доведется ли кому нибудь изъ насъ, нынѣ живыхъ, заслушаться этой пѣсни до забвенія всего земнаго, и съ ея звуками унестись душею въ небо и умереть въ радостномъ упоеніи, какъ разсказывается на лубочныхъ картинкахъ о ней?

Каганцы—это рѣшетчатые желѣзные шары или глобусы, въ которые кладутъ шарообразную массу смолы; ее зажигаютъ и привѣсивъ зажженый *каганецъ* къ оконечности длиннаго шеста, съ нимъ ѣдутъ передъ каретой, верхомъ или на тележкѣ, освѣщая ярко дорогу и деревья по обѣимъ сторонамъ, оставляя огненный слѣдъ тамъ и сямъ въ клочкахъ горящей смолы, которая часто пробивается и падаетъ сквозь рѣшетку на землю.

Такимъ образомъ въѣхали мы на большой дворъ за оградой, и остановились у освѣщеннаго плошками подъѣзда господскаго дома, передъ которымъ, въ яркомъ свѣтѣ нашихъ каганцевъ, выступала живописная группа крестьянъ съ хлѣбомъ солью и обыкновенная принадлежность здѣшнихъ усадьбъ паны уполномоченные, секретари, поссесоры или какая то прислуга въ этомъ родѣ. На балконѣ насъ встрѣтили настоящій уполномоченный помѣщика, братъ его и одинъ изъ нашихъ братчиковъ. Намъ предложили, обѣдъ чай или ужинъ на выборъ. Милая сестрица и я какъ истинно русскіе люди выбрали чай. Пошли снять теплыя вещи и когда воротились въ столовую, окинувъ глазами комнату мы увидѣли себя въчисто польской обстановкѣ. Служители даже, совсѣмъ смотрѣли ляхами, а братъ помѣщика, обладатель красивой вороной шестерни привезъ съ со-

бою и кухню и посуду, должно быть и пекарню; — все было вкусно, прилично и красиво. Мы переглянулись вспоминая опять Лукрецію Борджіа. Но срокъ обязательной продажѣ приближается и этимъ господамъ очень хочется повыгоднѣе сбыть имѣніе, такъ ужъ они насъ, въ нашемъ качествѣ покупателей, поберегутъ. Кромѣ брата помѣщика, былъ тутъ и хозяйничалъ, его уполномоченный или другъ, настоящій типъ провинціальнаго, средней руки, Польскаго дворянина. Полный, круглолицый, подвижный, очень учтивый, говорящій на 3-хъ или 4-хъ языкахъ весьма бѣгло, съ неслишкомъ сильнымъ акцентомъ; человѣкъ съ тѣмъ поверхностнымъ *салоннымъ* образованіемъ, которое слыветъ степенью гражданственности выше нашей, а уровень которой, въ сущности, совершенно одинъ и тотъ же. Въ самое время когда почтенные Патеры и Фратеры были заняты богоугоднымъ дѣломъ опутыванія и совращенія богатаго молодаго помѣщика Острожскаго уѣзда, этотъ господинъ явился къ нимъ съ предложеніемъ поступитъ *въ службу*, какъ здѣсь говорятъ, ихъ патрона. Фратеры не желали дѣлиться ожидаемыми выгодами своими съ чужимъ человѣкомъ, и сказали что всѣ мѣста официалистовъ заняты; но онъ отвѣчалъ что ищетъ другой должности, —онъ предлагалъ себя за ничтожное вознагражденіе къ испол-

нению должности *друга* молодаго человѣка и его путеводителя въ большомъ свѣтѣ или въ поѣздкѣ за границу. Разумѣется всевозможныя обязанности и услуги *дружбы* исполняли уже Фратеры Францисканцы, и не попавши въ должность друга одного помѣщика, любвеобильный панъ поступилъ въ туже должность къ другому, и уполномоченъ имъ показывать товаръ лицемъ и продавать имѣніе какъ можно выгоднѣе. Игра случая привела насъ къ этому Пиладу или Оресту новаго рода, именно въ сопровожденіи того же молодаго помѣщика, обѣднѣвшаго но *уцѣлѣвшаго* отъ интригъ Фратеровъ, къ которому они его во время оно не допустили. *Другъ* разсыпался мелкимъ бѣсомъ; обладатель вороныхъ коней любезничалъ и скоро общій разговоръ оживился и стало ясно, хотя нерѣзко, обозначаться направленіе и образъ мыслей каждаго; со стороны *друга*, съ истинно польской вѣтренностію, высказалось многое, которое выдаетъ разныя *штуки* Господъ Пановъ и ихъ управляющихъ. Между прочимъ онъ сталъ жаловаться на огромную цифру процентнаго сбора съ доходовъ. «Но доходы *Вами* же выставлены, сказала я,—зачѣмъ вы ихъ выставили невѣрно и зачѣмъ не сказали правду?» Да, какъ же, возразилъ онъ наивно или нахально—вѣдь мы же не знали *для чего* спрашиваютъ; думали можетъ быть для

оцѣнки въ продажу—что можетъ быть хотятъ скупать имѣнія.—Если бы мы знали что для налога, такъ разумѣется сказали бы правду.

— Я промолчала, думая про себя «конечно не сказали бъ правды а солгали бы опять въ противуположномъ смыслѣ только,—потому что вы всѣ воплощенная ложь». Въ такомъ родѣ *назидательнаго* разговора то по русски то по французски просидѣли мы около часу, и отправились въ свою комнату, гдѣ осмотрѣвшись, нашли слѣды занятій или вкусовъ хозяевъ тоже назидательныя въ своемъ родѣ:—альбомы и папки съ литографіями, гравюры и печатныя молитвы въ рамкахъ, повѣшанныя на стѣнахъ, имѣли всѣ одинаковый *колоритъ*, политически религіозный, весьма недоброжелательный. Портретъ Пелисье, Боске, Канробера, вмѣстѣ съ Костюшкой не безъ своего нѣмаго краснорѣчія — а правила общества Св. Викентія (St. Vincent de Paul) запрещеннаго даже во Франціи несмотря на ревностное католичество Императрицы Евгеніи, общества которымъ Абатъ Л. умѣлъ фанатизировать даже нашихъ петербургскихъ Нѣмокъ Католичекъ — правила этого общества въ рамкѣ съ изображеніемъ Божіей Матери *Immaculée conception* повѣшаны подлѣ статуекъ замѣняющихъ у Латынянъ наши Иконы; между прочими правилами *допускается тамъ гдѣ это общество*

не разрѣшено, слѣдовать его правиламъ *и участвовать въ его дѣятельности безъ открытаго вступленія въ него* и тогда пріобрѣтается право на тѣ же индульгенціи, которыя даются дѣйствительнымъ членамъ; впрочемъ дѣятельность вся въ человѣколюбивыхъ дѣлахъ, — только безпрестанныя ссылки на дополнительныя поясненія отъ Парижскаго дамскаго Комитета, что то, кажется, сомнительны. Вездѣ нашли мы виды Варшавы, Кракова, Парижа, вездѣ всевозможные роды изображенія Божіей Матери, называемой Immaculée Conception, а извѣстно что это догматъ и символъ Іезуитовъ, противъ которыхъ Доминиканы и сами Папы боролись до Пія IX. Словомъ, нѣтъ ничего преступнаго, ничего не дозволеннаго, но тутъ какъ въ Тайкурскомъ Костелѣ, рѣзко и ясно на каждомъ шагу, въ каждомъ слѣдѣ, оставленномъ въ жилыхъ комнатахъ, чуется отчужденіе и рознь, видится и слышится тяготѣніе и сочувствіе къ западу, а здѣсь, въ Темногайцахъ, еще къ тому и недоброжелательство, чтобъ не сказать враждебное чувство, къ Россіи. Такое по крайней мѣрѣ вынесли мы впечатлѣніе, милая сестрица и я изъ нашего ночлега, и мы отъ души пожелали чтобъ тутъ, на перепутьи между древнимъ Галицкимъ Кралевствомъ на Волыни и сосѣднимъ обломкомъ той же Червоной Руси въ Галиціи, посе-

лились владѣльцы болѣе русскіе, болѣе вѣрные всему милому и завѣтному для русскаго сердца, всему историческому прошедшему и, Богъ дастъ, историческому будущему этого края!